

18+

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

КАТРИНА

РЕКВИЕМ
ИСПОВЕДЬ

АНГЕЛА
ДЕМОНА

Алексей Кондратенко

**Катрина: Реквием
ангела, исповедь демона**

«Издательские решения»

Кондратенко А.

Катрина: Реквием ангела, исповедь демона / А. Кондратенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505058-8

Марк Меерсон — свидетель, выживший в волне кровавых разборок, прокатившихся по Калининграду. Прикосновение к тайне происхождения вампиров меняет его жизнь безвозвратно. Его смерти жаждет Мучитель Паннонский, глава могущественного Триумвирата стражей. И теперь судьба Марка в руках наемницы Катрины Вэлкат. Близится Поминальный бал. Ночь убийств. И чья-то кровь прольется вновь. Продолжение отмеченного наградами триллера «Катрина: Число начала». Изысканная и жестокая история с шокирующим финалом!

ISBN 978-5-00-505058-8

© Кондратенко А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Резервуар	6
Глава 2. Дневник фотографа	13
Глава 3. Ex sanguis2	17
Глава 4. Связь	23
Глава 5. Темница	27
Глава 6. Шелк и кружева	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Катрина: Реквием ангела, исповедь демона

Алексей Кондратенко

© Алексей Кондратенко, 2022

ISBN 978-5-0050-5058-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

КАТРИНА

РЕКВИЕМ АНГЕЛА ИСПОВЕДЬ ДЕМОНА

Книги цикла «Катрина»:

Дилогия 1910 года:

«Катрина: Меч зари»

«Катрина: Земля падших»

Калининградская дилогия:

«Катрина: Число начала»

«Катрина: Реквием ангела, исповедь демона»

Официальное сообщество: vk.com/katrina_universe

Глава 1. Резервуар

*Что толку в нашем вечном бытии
И силе нашей, вечно-неизменной,
Коль нам терзаться вечно суждено?*

*Джон Мильтон
«Потерянный рай»*

Промозглую тьму пронзил далекий луч. Мокрый камень заблестел. Приближающийся свет фар выхватил из ночи штрих дождя и статую женщины, протянувшей руки к яростному небу. К старому прусскому особняку мчались автомобили. Серебристый Роллс-Ройс и два внедорожника BMW.

Навстречу подъезжающим автомобилям из дома вышли несколько фигур. Невозмутимые черты их бледных лиц тронула рябь обеспокоенности. Ветер дернул их сухие одежды, но дождь быстро утяжелил ткань.

Они ждали.

Серебристый Роллс-Ройс и два внедорожника сбросили скорость в последний момент у крыльца. Мокрый гравий прошипел под остановившимися шинами. Дверцы автомобилей распахнулись. Из темноты салонов спешно выскочили и подбежали к открытым дверям Роллс-Ройса.

Руки осторожно подхватили безжизненное тело и вытащили из машины. Молодая брюнетка была без сознания. Несколько человек понесли её в дом. Струи дождя с треском забарабанили по её изорванному кожаному плащу. Но холодные капли не привели её в чувство. Размоченная дождем кровь ручьями стекала с её пальцев под ноги несущим.

Двое мужчин из Роллс-Ройса шли следом. Тот, что был с длинными темными волосами, убранными заколкой в хвост, обратился к встречавшему на крыльце:

– Всё готово, Норберт?

Худощавый, прилизанный Норберт утвердительно кивнул.

– Да, Виктор.

Вся процессия толчеей вошла в дом.

Широкоплечий брюнет с бакенбардами на грозном мужественном лице, шедший рядом с Виктором, тут же властно прибавил:

– Этого будет недостаточно. Наполните резервуар.

Норберт с толикой смятения бросил вопрошающий взгляд на Виктора, своего хозяина.

– Мы могли опоздать, – подтвердил Виктор. – Нужно подстраховаться.

Норберт жестом подозвал двух молодых людей и вместе с ними свернул под лестницу.

Тем временем раненую брюнетку внесли в столовую и положили на длинный стол возле приготовленных хирургических инструментов. Её ботинки военного фасона гулко стукнули о дубовую столешницу.

Горящие умирным бешенством глаза широкоплечего брюнета с бакенбардами неотрывно следили за бездыханной девушкой на столе. И в этом диком взгляде металась тревога.

С нее сняли плащ. От ворота к плечу разрезали кожаную блузку, пробитую пулями в нескольких местах.

Его взору предстали множественные ранения. Он отмечал каждую деталь, каждую рану, рассекавшую плоть девушки. Каждую вену, из десятков черных ветвей вспухших на неестественной снежно-белой коже неуловимо похожей на него брюнетки.

Он хорошо знал, каково это. Организм девушки был отравлен и буквально горел изнутри. Из раны под ключицей брюнетки поднимался дым. То же самое приходилось переносить и ему. И потому он понимал, что в таком состоянии времени уже не оставалось. Счет шел на минуты.

И этого можно было избежать.

Впрочем, эти мысли он осознанно прервал. Сейчас важно другое.

– Я сам, – подступил к столу он, выхватывая скальпель у своей подчиненной, Митры.

– Лорд-маршал, но вы без перчаток.

Перчатки на ней едва ли можно было назвать медицинскими. Плотные и блестящие, перчатки для химических работ. Надетые по соображениям защиты, а не соблюдения стерильности.

Зан Вэлкат её не слушал, а ему никто не препятствовал. Многие годы плоть и металл служили ему холстом. И родную плоть и кровь он мог доверить только себе. Меры предосторожности его не волновали. По многим причинам.

Черневший эпицентр заражения под ключицей брюнетки словно оплавил окружающие ткани, ввалился и уже начинал превращаться в пепел.

Двумя точными движениями лорд-маршал Вэлкат рассек рану девушки накрест. И пока он брал изогнутый пинцет, Митра вонзила в разрезанную рану хирургический расширитель, раздвинув черную обугленную плоть. Зан погрузил пинцет и извлек источник заражения.

В следующее мгновение тело лежащей на столе брюнетки выгнулось вверх, словно невидимая нить потянула её за рёбра. Пальцы судорожно напряглись. Ногти проскребли по столу. Она разжала высохшие белые губы и с пронзительным хрипом вдохнула. После чего вновь обмякла и потеряла сознание.

Став свидетелями произошедшего, присутствующие обменялись приглушенными фразами. В голосах подданных Виктора Вормана звучал страх и изумление. Им не часто доводилось видеть подобное.

Кто-то подал Митре столовое блюдо – в спешке к операции готовились с тем, что было под рукой – и Митра поднесла блюдо Зану.

Зан Вэлкат разжал пинцет.

Маленький сплюснутый кусочек белого дымящегося металла со звоном упал на блюдо. Пуля.

Особая. Заправленная в пистолет стрелявшего для одной конкретной цели.

– Унесите! Избавьтесь от этого! – нервозно скомандовал Виктор.

Игорь, человек Виктора в таких же перчатках, как у Митры, забрал блюдо и ушел.

В стройном теле брюнетки темнели ещё два пулевых ранения. Без признаков отравления. Зан оставил их напоследок. С прежней быстротой и хладнокровием он и Митра продолжили операцию. Спустя несколько минут они извлекли другие пули. Обе обычные, калибра 5.56 мм, но сильно деформированные и распавшиеся на осколки.

Зан наклонился к брюнетке и заметил, что черные вены, изрисовавшие её тело, стали бледнеть.

Он заботливо поправил её волосы и прошептал на ухо:

– Мы успели, Катрина. Теперь поправляйся.

Отойдя от стола, он обратился к своим подданным:

– Джаред, Элиен. Её нужно окунуть.

Джаред, обладавший поджарым, но крепким телосложением, и Элиен с легкостью подхватили изящную фигуру Катрины и понесли из столовой за Виктором, указывающим путь.

Зан проводил их взглядом, затем повернул голову к столу, на котором только что лежала его дочь. Густые разводы отравленной крови Катрины и окровавленные инструменты кричали о том, что фатальные последствия были невероятно близко.

Виктор, Джаред и Элиен, держащие Катрину, спустились в подвал под правым крылом особняка. Несколько других подданных Виктора шли следом. Зан спускался последним.

К этому времени Норберт с помощниками закончили с наполнением резервуара. Стекланный куб заполняла почти непрозрачная жидкость, в темноте подвала дающая красноватый отблеск.

Здесь всё происходило в странном почти ритуальном молчаливом трепете. Не требовалось больше ничьих распоряжений, чтобы совершить необходимое. Джаред и Элиен прекрасно знали свою задачу.

Осторожно они внесли раненую брюнетку на металлический мостик, перекинутый над резервуаром.

По-прежнему безжизненный тёмный силуэт Катрины соскользнул с держащих её рук. Падение распахнуло её собственные расслабленные в беспамятстве руки. Под безмолвными взглядами наблюдавших из темноты брюнетка упала в резервуар лицом вниз.

Тёмно-красная жидкость сначала вскинулась, всплеснулась, подхватила Катрину, а затем полностью поглотила.

Дождавшись, когда стройная фигура девушки скроется в глубине резервуара, все присутствовавшие покинули подвал.

Особняк Виктора Вормана погрузился в напряженное ожидание.

Стояла глубокая ночь. Ветер разливал бушующие волны Калининградского залива. Из-за непогоды сразу в двух районах города отключилось электричество.

В окнах мокнущего под дождем особняка Вормана трепетал теплый свет свечей. Его выполненные из вишневого дерева коридоры с величавыми портретами в увесистых рамах оставались темны. И лишь отсвет молний проникал в этот многолетний мрак.

В старом чертоге Вормана собрались все члены семьи. Сегодняшний съезд был обусловлен прибытием почетных гостей – лорда-маршала Зана Вэлката и его подданных, прилетевших накануне из Сербии. Торжественное сборище омрачили беспокойные обстоятельства, послужившие причиной визита Вэлкатов. Дела были улажены быстро, но приняли чрезвычайно серьезный оборот. И теперь жизнь дочери сербского лорда-маршала Зана Вэлката оказалась под угрозой. Резервуар являлся последней надеждой для нее.

По возвращении из подвала прием устроили в большом салоне на первом этаже. По полу и стенам разливались черные тени. В руках сверкали наполненные бокалы. Отголосок торжества отражался в изысканных нарядах. Среди одежд членов семьи Вормана по обыкновению преобладали фиолетовые оттенки, а их гостей – исконно черные. Мелькали фамильные гербы, среди которых выделялся герб Вэлкатов. Роза скрещенная с мечом на фоне узорной латинской V.

Собрание отдаленно походило на званый вечер в период Венецианского карнавала. На собравшихся узнавались черты фасонов эпох давно ушедших. Коуты и шарф-галстуки. Роскошные корсеты и жабо. И в этом крылся обычай, свидетельствовавший о единстве и принадлежности всех присутствующих к особому кругу.

Несмотря на разговоры, звучащие то тут, то там, в атмосфере повис призрачный ожиданий. А обсуждения ран Катрины не сходили с уст собравшихся.

И только рыжеволосая Инга беззаботно посмеивалась, перешептываясь с младшими сестрами Анжелией и Селоней – три взрослых дочери Вормана сидели неподалеку от Виктора и Зана. Инга следила за тем, чтобы Зан слышал её лстивые восхищения и славословия в его адрес, но забывала о приличиях, требующих в такой ситуации хотя бы наносной мрачной озачеченности. Однако Зан беседовал с Виктором, совсем не уделяя внимания её болтовне.

В помещение вошел советник Виктора Вормана Норберт и расположился возле входа на свободном диване. Он только что переоделся, потому что намочил и запачкал одежду, подготавливая резервуар. Свежий тёмно-фиолетовый сюртук, узкие брюки и остроносые ботинки-

монки подчеркивали его худосочность и бледность. Норберт сел, положив ногу на ногу, в свою привычную вальяжную позу и без интереса оглядел собравшихся.

Возле Норберта остановился молодой мужчина с легкой щетиной на широких скулах. Вокруг него вились две похожие друг на друга девушки в кружевных платьях, напоминавших пеньюары, под которыми проступали обнаженные тела.

– Что-то все какие-то невеселые, – бодро заметил он. – Не думал, что они так впечатлятся произошедшим. Все только и говорят о Катрине. А за неимением достоверной информации, столько любопытных домыслов всплывает.

Норберт ему ничего не ответил. Тогда он закурил и сел с другого края дивана. Похлопал по бархатной подушке, приглашая девушек устроиться рядом с ним.

– Ну и? Скольких пришлось затратить? – спросил он Норберта, когда девушки устроились вокруг него.

Вопрос прозвучал расплывчато, и всё же каждый прекрасно понимал, о чем идет речь. Норберт не смотрел в его сторону, не торопился с ответом, и явно не стремился к конкретике.

– Много, – выразительно произнес Норберт.

– Запасы остались?

– Несколько.

Собеседник Норберта выпустил сигаретный дым и покачал головой.

– Плохо. Придется восполнять. А это привлечет внимание.

Норберт впервые повернул удлиненное безбровое лицо в их сторону:

– Не привлечет, если делать это в соседних странах, Стеллан. Подальше от границы.

Одна из девушек подползла по дивану к советнику и прижалась к его шее губами:

– Ты такой умный, Норберт. Напрасно Виктор ругает тебя за нерасторопность. – Что бы он делал без твоих мудрых подсказок.

Норберт схватил её одной рукой за волосы, другой за шею и крепко сжал длинные костистые пальцы на горле девушки.

– По-твоему, если Виктор спрашивает моего совета, значит, он сам не может принимать решения? Я советник, Ханна, а не всемогущий лорд-маршал. Виктор не нуждается в моих подсказках.

– Да брось, они ничего не понимают, – вмешался Стеллан.

Но Норберт её не отпускал.

– Что-то они понимают, – проговорил Норберт, заглядывая в испуганно расширенные глаза девушки. – Ведь что-то же должно было сохраниться в этой милой головке.

Норберт отпустил Ханну и прибавил:

– Поменьше болтай язычком.

– Ну, прости, прости, не сердчай, – проскулила Ханна. – Я всего лишь сказала, что думает на твой счет наш лорд-маршал. Прости...

Стеллан усмехнулся, наблюдая, как Ханна ластится, пытаясь задобрить Норберта. Стеллан посмотрел на Вану, сестру Ханны, провел рукой по её щеке и строго, но не сердито сказал:

– Никогда не следуй примеру своей сестры.

Вана покорно кивнула.

В другой части комнаты гости из Сербии наблюдали за всем со стороны, улавливая всеобщую напряженность семьи Виктора.

– Ты только посмотри на эти лица, – приглушенно протянул Джаред. – Они напуганы и сбиты с толку.

– *Не изненађује*¹, – тоже вполголоса согласилась Митра. Черноглазая, с блестящими черными волосами, убранными в тугой узел, она представляла образец строгой балканской кра-

¹ Не удивительно (*серб.*). Здесь и далее примечания автора.

соты в таком же строгом черном костюме, под стать её внешности. – Подданные Виктора видели, в каком состоянии привезли наемницу. Последнюю из всех, кого они ожидали увидеть при смерти. И судя по всему, Виктор не сообщил им, с какой целью Катрина находится в Калининграде.

– Скорее всего, сказал, что обычный гостевой визит. Но Инге лгать не стал. А эта гарпия, конечно, разболтала сестрам. И так слухи наполнили славный дом Ворманов. Сохранить всё в тайне не удастся. Теперь всем захочется узнать, что же такого Зан затеял на территории Виктора. О, им будет очень любопытно обнаружить, сколь благородны были цели Зана, и на какие жертвы ради них он отправил свою дочь. Но следом зазвучат голоса, вопрошающие, получилось ли. И осведомленные особы, вроде Инги, жаждущие своего звездного часа, преподнесут всё в крайне драматичном свете. Сегодня мы празднуем, но смуту уже не сдержать. Пусть в сущности ничего не изменилось, теперь изменится многое. Когда делам стражей сопутствует успех, все ликуют. Вспоминают, что мы их защита. Утешаются, зная, что могут совершать ошибки за ошибками, а потом умыть руки и взвалить свои проблемы на стражей. Но стоит нам потерпеть поражение, и кланы набрасываются на нас как свора собак, лая о том, что стражи проявляют слишком много инициативы, способной привести лишь к неприятностям. Они хотят держать нас на поводке. И мы дали им повод.

– Понарын будет недоволен всем этим, – произнесла Митра, предчувствуя, что может подняться резонанс.

– Сюда идет Фелиция, – предупредил Джаред.

К бару, возле которого стояли подданные Зана Вэлката, подошла миловидная девушка в темно-сиреновом платье с широким шлейфом. Подданная Виктора.

– Как думаете, что обсуждают Виктор и Зан? – поинтересовалась она.

Джаред обернулся к подошедшей Фелиции.

– Согласовывают текст заявления.

– Какого заявления?

– Сейчас узнаем, – Джаред указал глазами в сторону Виктора, вышедшего на середину комнаты.

Виктор поднял руку, требуя тишины. Невысоко. Спокойным медленным жестом. Этого хватило, чтобы гомон, нараставший в салоне, стих.

Из полутьмы к лорду-маршалу Ворману обратилось множество глаз, блескующих в кровавых отсветах камина.

Будучи судьей трибунала, Виктор привычно заговорил громким голосом оратора. Каждое слово в его устах приобретало убедительную весомость:

– Сегодня наши гости продемонстрировали, насколько эффективны кланы, которым мы вверяем нашу безопасность. Напомнили, насколько стражи бдительны и верны своему долгу. Знаю, для многих неожиданный приезд лорда-маршала Вэлката и его подданных стал поводом для беспокойства. Но уверяю, волноваться не о чем. Вопросы, стоявшие на повестке дня, благополучно решены. И мы с лордом-маршалом Вэлкатом оцениваем их результат положительно.

– Я видел раны, – неожиданно подал голос Игорь, – на спине Катрины. В столовой. Это следы от когтей дикого зверя. И пуля. Я её уносил. Все видели, что это за металл.

После этих слов люди Виктора тихо зароптали.

Раскаленный словно угли взгляд затаившегося хищника остановился на спине Виктора в ожидании. Зан пристально следил за тем, чтобы речь Виктора не породила лишних сомнений и пересудов.

– Да, верно, – согласился Виктор и обратился ко всем: – К сожалению, доля наемницы трудна и полна вызовов. Полагается, что мы все это знаем. Но всякое знание со временем теряет остроту, становится просто словами. И мы начинаем относиться к чему-то важному,

как к чему-то отвлеченному, само собой разумеющемуся. Мы произносим слово «наемница» с уважением и благоговением перед редчайшим мастерством в искусстве смерти. Но не отдаем себе отчета в том, как трудно быть редчайшим мастером, стоящим в авангарде наших интересов. Раны, которые вы видели на теле наемницы – одни из тысяч. Это жертва, которую Катрина платит ради нашего благополучия. Мы должны чтить эту жертву, ибо видим лишь малую её часть, и уже поддаемся ужасу. Что касается обстоятельств, при которых Катрина Вэллкат получила эти ранения – как я уже сказал – беспокоиться не о чем. Лорд-маршал Вэллкат и его подданные оказали наемнице всяческую поддержку и помогли завершить начатое ею дело.

Донесся ещё один голос. Это был Стеллан, поднявшийся с дивана, чтобы обозначить свое желание говорить. Норберт хотел оттянуть его, чтобы тот сел и замолк, но не успел.

– Прошу прощения, Виктор, – начал Стеллан. – Думаю, многие из нас хотели бы знать, удалось ли Катрине исполнить пророчество Тентела?

Виктор решительно закачал головой в знак несогласия:

– Подобные слухи не верны.

В этот момент старшая дочь Виктора, Инга, вскинула на отца ошеломленный взгляд из-под рыжей челки.

Виктор продолжал:

– Я понимаю, стоит стражам проявить какую-либо активность, как уже начинают ползти разговоры о Тентеле. Но и в этот раз слухи беспочвенны. Цели, с которыми Катрина находилась в Калининграде последние недели, соответствовали идее нашей безопасности и благополучия. Самоотверженность, с которой она выполняла свой долг, сложно переоценить. Катрине удалось выявить и предотвратить на нашей территории деятельность организации, чье вмешательство в наши интересы нами не приветствуется. Подчеркиваю, успешно предотвратить. И потому нашему спокойствию более ничего не угрожает. Мы все можем вести *привычный образ жизни*, – выразительно прибавил Виктор. – Представители клана стражей скоро вернутся в Сербию, а пока они гостят у нас, прошу оказать им гостеприимство, и предлагаю поднять бокалы в их честь.

В воздух торжественно взмыли бокалы. Подданные Вормана с почтением наклонили головы, приветствуя Зана Вэллката.

– Лорд-маршал Вэллкат, это в вашу честь, – этими словами Виктор завершил речь и вернулся в свое кресло.

– Отрадно, что всё улажено, – легковесно воскликнула Фелиция, когда Виктор закончил. Она наполнила свой бокал, вежливо улыбнулась Джареду и Митре, и оставила их одних.

– Что ж, вот она, официальная версия, – проговорила Митра вполголоса, комментируя заявление Виктора.

Джаред кивнул и, дождавшись, когда Фелиция отойдет подальше, прибавил:

– Неплохо. Довольно ловкая получилась речь. Теперь любая другая трактовка станет завуалированным обвинением лорда-маршала во лжи. Кто дерзнет?

– Да, это остудит пыл излишне болтливых особ, – согласилась Митра и натянуто улыбнулась через весь зал Инге.

Всеобщее настроение после речи Виктора переменялось. Заразительное спокойствие Виктора передалось слушателям. И тревожная сцена извлечения пуль, развернувшаяся час назад в столовой, стала забываться.

Причин для настороженной отстраненности между подданными Вормана и Вэллката больше не осталось. Представители двух неизменно дружественных кланов охотнее принялись общаться друг с другом, обмениваясь взаимными любезностями за непринужденными беседами.

Неожиданно говорившие смолкли и прислушались.

Где-то в доме громоздко скрипнула дверь в подвал. Свечи дрогнули от сквозняка. Легкие мокрые шаги донеслись с лестницы и медленно проследовали на второй этаж, а затем стихли. То, чего все ждали, свершилось.

Глава 2. Дневник фотографа

*Знать – несчастье, но отказаться действовать – преступление,
когда знаешь, что надо делать.*

Жорж Санд

Информация, которой я обладаю, может стоить мне жизни.

Я стал свидетелем и непосредственным участником событий, в результате которых погибло много людей. Лишь я один знаю, что за минувшим криминальным кошмаром стоит нечто большее и куда более опасное.

За волной кровопролитных преступных разборок, прокатившихся по Калининграду, таится тайна самой смерти.

В ту ненастную ночь я вернулся на попутной машине.

Не помню, как, но я выбрался из леса на обочину шоссе. Было темно хоть глаз выколи. Чудом мне удалось пробраться сквозь дебри. Продолжал лить дождь. Я весь в крови и грязи. В столь поздний час машины проезжали мимо, не останавливаясь. Меня никто не хотел подвозить. Путь до дома предстоял не близкий, но я не думал об этом. Я просто брел по обочине и не мог выбросить из головы всё, что случилось, постоянно оглядываясь в ожидании опасности.

Всё, что произошло, должно было оказаться лишь кошмарным сном. Но оно случилось на самом деле. Я видел всё своими глазами, а раны на моем теле подтверждали случившееся.

Я верил и боялся. Куда сложнее было осознать, что я до сих пор жив. Что мне дали уйти. Я запомнил их имена. Необычные и странные.

Джаред, Митра, Элиен. Зан Вэлкат.

Их движения отличались. Это были животные в теле людей. Призраки во плоти.

Я никогда не забуду того мгновения. В ту секунду, когда её *отец* наставил на меня ствол пистолета, и я подумал: это конец. Эта мысль в тот момент казалась такой естественной.

Смерть была естественной...

Пока я шел по обочине шоссе, согнувшись от холода, рядом остановился фургон. На вид добродушный водитель сказал, чтобы я залезал в кабину. Мол, так и простудиться недолго. Преодолевая боль, я взобрался внутрь, где было тепло и несло дешевым куревом.

Водитель, плотный бородатый мужик в красной фланелевой рубашке, напоминавшей мне о крови, пару раз пытался завести разговор на отвлеченные темы, но я был не в состоянии поддерживать беседу.

Мой вид не мог не вызывать вопросы и беспокойство.

Проехав ещё немного в тишине, он заговорил вновь. На этот раз не о дрянной погоде и не об идиотах на легковушках, которые не выключают дальний свет. Его прокуренный голос звучал доверительно серьезно:

– Давно идешь? Похоже, у тебя была безумная ночь. Если надо кому-то позвонить, телефон есть. Вон он лежит.

Я по-прежнему не желал поддержать разговор.

– Или стряслось чего посерьезнее? – продолжал он. – Ты говори, если что. Не стесняйся. Уж я всякого повидал.

Я не мог рассказать. Не мог подвергать его такой опасности. Да и он не поверил бы. Стал бы трепаться с друзьями, забавы ради растрезвонил бы мои слова. И со временем эта история всплыла бы там, где тени прислушиваются к словам безумцев. Вычислить источник не сложно. Теперь я знал, как это происходит. Сначала пришли бы за ним. Потом за мной.

– Подбрось к городу, и всё. Этим ты мне поможешь.

– Я еду в объезд. Высажу на развязке, пойдет?

– Лучше, чем ничего.

Он подвез до пустынной автозаправки неподалеку от Лермонтово и Чкаловского поворота на въезде в Калининград. Фургон поехал дальше, в объезд города, а мне пришлось немного вернуться.

Деревья, дома, дорога. Я шел по Советскому проспекту, когда услышал, как издали приближается неясный шум. Он прорывался сквозь шипение дождя. Я резко развернулся. Шум становился всё отчетливее и громче. И вот оно: откуда ни возьмись мимо меня пронеслась темная иномарка. Предчувствующий опасность, я пристально проследил, как иномарка удалилась. До последнего момента ожидая, что из окна появится рука с пистолетом, и меня застрелят.

Но она просто уехала.

Помню, я рассмеялся. Наверное, это был нервный смех с привкусом горечи.

Когда, наконец, добрался до знакомой улицы с белым кирпичным зданием госпиталя и моей обветшалой семиэтажкой с аркой для въезда во дворы и двумя старыми дубами, казалось, я шел полночи. Всё тело ломило и резало болью.

Пока поднялся по лестнице, я немного согрелся. Мне не терпелось поскорее под горячий душ.

Я осторожно стянул липкую выпачканную грязью рубашку. Пустил воду, сделав её настолько теплой, чтобы шел пар. Вымыл руки и принялся разглядывать раны в зеркале. Рваные, резанные. Много разных. Их требовалось обработать.

Вдруг я оторопел. От увиденного в отражении я невольно потянулся рукой к груди.

Я потерял свой натальный крест!

Позабыв о забитых грязью ранах и синяках, я схватил рубашку. Возможно, я порвал цепочку только что, и крестик где-то в складках скомканной рубашки. Я искал тщательно, но не нашел.

Это не хорошо. Это не хорошо, – сверлило у меня в голове.

Дыхание прервалось от мысли, что теперь у меня нет ничего, что могло бы стать преградой между мной и теми чудовищами. Именно сейчас, когда всё вроде бы закончилось, и я ослабил бдительность, угроза возматала. А я потерял крестик! Наверное, где-то в лесу. Или его кто-то сорвал? В любом случае, искать дома бессмысленно.

Я метался в беспокойстве, пока не пронзило болью глубокую рану на ключице. Лицо ныло. Ссадины горели. Аспирин и анальгетики сейчас бы не помешали. Нужно взять себя в руки и обработать травмы.

Под струями теплой воды в душе рана, растянувшаяся от шеи до плеча, заболела невыносимо. Из неё засочилась, потом потекла кровь и никак не останавливалась. Под разорванную кожу набиралась вода и мучительно набухла пузырями. Но грязь нужно было вымыть.

Вода смыла кровавую корочку с губы порванной шипами дикой розы. Обнаружилась кровоточащая рана и на затылке. И ещё было больно держать мыло. Шипы дикой розы вонзились тогда мне под ногти. Опухшие пальцы обдавало отвратительной пульсирующей болью.

После душа я быстро переоделся в чистые серые джинсы. Мне было холодно, но я не мог заставить себя надеть футболку поверх всех этих ран. Ткань прилипнет к сочившейся крови, к отсыревшей коже.

Помня отцовские медицинские книги по хирургии, которые в детстве казались мне страшными и неприятными, я знал, что хорошо бы зашить рану на плече. Уж сильно разошлись её края. Но квалифицированная помощь – непозволительная роскошь для меня. Я не знал, безопасно ли мне сейчас выходить из дому обратно в ночь.

До рассвета ещё далеко.

Сонный и уставший я провел обыск в собственной квартире в поисках пузырька йода, спирта, может быть перекиси водорода, или, хотя бы фурацилина.

Старый весь побелевший пузырек перекиси водорода нашелся на антресолях.

Ища его, я наткнулся на свой давнишний дневник. Он пролежал там много лет. Забытый и ненужный. Исписаны были лишь первые страницы. Я скользил глазами по их содержанию. В памяти всплывали беззаботные воспоминания юношеских лет, которые когда-то я хотел сохранить на бумаге.

Какие глупости, какая пустая жизнь.

Теперь я знал, как использовать этот дневник с пользой.

Сначала я закончил с травмами. Решившись, я перевернул пузырек на разорванную кожу, через которую виднелись жилы. Раны словно огнем вспыхнули. В руке начался мышечный спазм. Не сдержал крик. Это, на хрен, не локоть свезти! Процедуру пришлось повторить и смочить перекисью более мелкие раны и ссадины.

После всего этого в глазах потемнело, и я просто сидел за столом в кухне несколько минут, пережидая, когда в теле утихнет пылающий огонь.

Придя в себя, я вспомнил про дневник.

Я решил записать всю последовательность событий, произошедших со мной в последние три дня. Я вырвал прежние исписанные страницы и стал подробно записывать то, свидетелем чего стал.

На сегодняшний день не существовало ни одного человека, которому я мог бы доверить эти знания. Но чувство, что мое свидетельство чрезвычайно важно, не давало мне покоя. Я должен был задокументировать существование сил, угрожающих всем и каждому.

За пару часов я изложил всё, стараясь не упустить важные подробности, припоминая улики и мельчайшую хронологическую связь. Эти строки прольют свет на волну убийств, прокатившихся по Калининграду. И не только. Я оставил свидетельство куда более важное.

Свидетельство о встрече с тайным биологическим видом разумных хищников, именуемых себя лордоками. Внешне почти не отличимые от людей, они появляются среди нас с приходом ночи. В нашей культуре для них имелось множество других имен. Они же называют себя по имени первого из них.

Лордока.

Древние мифы кричали нам из глубины веков в попытке предостережения, суть которого исказила и обезличила современная поп-культура. У меня не было всех ответов. Их происхождение оставалось для меня тайной.

Мне пришлось примерить на себя роль журналиста, подробно фиксируя все обстоятельства и даты. Объяснить причины и детали бойни, развернувшейся на улицах Калининграда и его окрестностей.

Закончив писать, я добрался до середины дневника.

Не хватало последнего штриха. Анонимное послание столь невероятного содержания вызвало бы недоверие. Изложенные факты можно проверить, только если знать личность написавшего их.

Помешкав мгновение, я записал два последних абзаца:

Меня зовут Марк Меерсон, я редакционный фотограф калининградского журнала «Интересная Жизнь». Описанные события произошли вскоре после похорон моей невесты. Несчастный случай забрал её у меня. Мне некому довериться. Лица, связанные со мной по работе или родством не обладают информацией об изложенных событиях. Подвергать их опасности я не намерен. Лица, которые могли бы обладать этой информацией, мне не известны. Упомянутые в дневнике имена принадлежат или принадлежали реальным личностям и оставлены без изменений. Точно так же, как места и даты.

Разглашать описанные в этом дневнике сведения чрезвычайно опасно. Я единственный свидетель, кто остался жив. И моя жизнь до сих пор может находиться под угрозой.

Называя себя, я, безусловно, приклеивал мишень себе на лоб. Ещё несколько дней назад ни за что на свете я не решился бы так рисковать.

Теперь всё было иначе.

Моя жизнь находилась под угрозой в любом случае. А дневник может стать страховкой, если использовать его правильно.

Прежде чем лечь спать, я осторожно выглянул в окно, чтобы убедиться, что за мной никто не следил.

Этой ночью я так и не заснул.

Мыслями я ещё оставался там, среди чудовищ и растерзанных тел.

Моей смерти жаждали создания, не ведающие милосердия. Мое сердце всё ещё билось лишь благодаря милости Катрины. Она увлекала меня за собой в самое сердце ужаса. И она же позволила мне выбраться оттуда.

Всё это время я боялся, что ещё ничего не закончилось, и угроза может застать меня врасплох. И я спрашивал себя, что тогда? Что я смогу?

В одиночку.

Потом внезапно меня пронзила другая мысль, от которой сделалось как-то странно на душе.

А вдруг всё закончилось? Что тогда?

Чувствуя неясную грусть, я много времени лежал и думал о Катрине. Внутри меня бушевало царство противоречий и разногласий между чувствами и моралью.

Она оставила мне рану, которая не затянется никогда. Где-то в глубине моего сердца всегда теперь будет жить черный как уголь осколок воспоминаний о ней.

Катрина Вэлкат. Сербская наемница лордоков. Она ушла раненая. О дальнейшей её судьбе мне ничего не известно.

Глава 3. Ex sanguis²

Скрыть наши истинные чувства труднее, чем изобразить несуществующие.

Франсуа де Ларошфуко

«Максимы и моральные размышления»

В толще мутной красной жидкости что-то встрепенулось. Белые пальцы сжались в кулак. Расплывчатый силуэт развел жидкость руками и устремился вверх.

Кровь исторгла окрепшее бледное тело во тьму подвала.

Обагренная кровавым раствором Катрина вынырнула из полусмерти. Полная сил и не снедаемая болью ран. Она взялась за края резервуара и невесомо подтянулась на мостик.

Алая жидкость ручьями стекала с неё. Густой запах железа поднимался над Катриной вместе с паром.

В зрачках сапфировых глаз блеснул *tapetum lucidum*³ – взгляд брюнетки выхватил из темноты немаловажную деталь, объясняющую обстоятельства, в которых очнулась Катрина. Поодаль, у стены подвала лежала уродливая груда тряпья. В нелепых позах, сваленные одно на другое там валялись обескровленные трупы, ещё не тронутые тленом.

Похожие груды тел Катрине доводилось видеть в прошлом. При разных обстоятельствах. В одном случае это были расстрельные ямы, над которыми фашисты казнили евреев и славян⁴. В другом – крайняя мера, практикующаяся как акт исцеления в закрытом сообществе, частью которого являлась она сама.

Катрина пересчитала убитых. Столько разом загубленных душ ради продления её существования.

Она посмотрела на свои окровавленные руки и решила, что хочет это смыть.

Из подвала она поднялась на второй этаж в просторную ванную комнату, выложенную светлой плиткой. Она обнаружила, что в доме нет электрического света, но кто-то зажег повсюду свечи.

Внизу слышались разговоры и отголоски торжества. Очередного пустого и бессмысленного приема, призванного подчеркнуть единство и дружность кланов. Этот символический обычай носил весьма практичное свойство отвлекать всех от памяти о смутных временах, когда будущие лорды-маршалы враждовали и не могли поделить территории ореола своего обитания.

Пышные сугробы пены заполняли ванную, окруженную светом свечей. Катрина остановилась напротив зеркала, перед которым на столике с умывальником стоял бокал и бутылка Шато Мутон-Ротшильд. Огонь играл на золотой грозди винограда в руке фавна на этикетке. Урожай 1947 года. По выбору вина Катрина поняла, что это Виктор позаботился о её комфорте и распорядился всё устроить.

Она подступила ближе к зеркалу, и её алое отражение показалось из теплого полумрака. Катрину с ног до головы облеплял блестящий липкий слой крови. Она отогнула разрезанный край своей кожаной блузки без рукавов с рядом металлических пуговиц, тянущихся от плеча к узкой талии. Блузка повисла на одном плече, обнажив свежий рубец под ключицей. Остальные раны бесследно сошли с её окровавленного тела. Силы медленно возвращались к ней.

² Из крови (*лат.*).

³ Тапетум луцидум – слой сосудистой оболочки глаза позади сетчатки содержащий светоотражающий пигмент. Наличием тапетума обусловлен эффект мерцания зрачка. Распространен у позвоночных, в особенности у ночных животных, но не встречается у людей.

⁴ В данном случае – геноцид сербов, устроенный немецкими оккупационными войсками и хорватами-усташами с апреля 1941 по май 1945 года. В результате этнических чисток было убито (по разным оценкам) от 200 000 до 800 000 сербов.

Но шрам от серебряной пули сойдет не скоро, а может даже останется навсегда. Он заворожил и приковал внимание брюнетки.

Серебро делало *их всех* словно живыми и причиняло почти необратимые повреждения.

В отражении рядом проступили два желтых пылающих глаза.

– Все будут рады увидеть тебя невредимой, – раздался голос Зана позади Катрины. Его черная шелковая рубашка поблескивала в мерцающем свете свечей. Он, как и все, слышал, что Катрина пришла в себя и поднялась из подвала на второй этаж.

– Мне казалось, я закрыла дверь, – ответила Катрина, не поворачиваясь. – Навряд ли ты пожелал меня увидеть лишь для того, чтобы это сообщить.

– Стоит ли ждать перемен, ради которых я отправил тебя сюда? – спросил Зан, перейдя к делу, и в этих словах она услышала смысл весьма конкретный и понятный им обоим.

– Ответ тебе известен. Мне жаль. Наверное, обидно, что все твои усилия и вера в пророчества Тентела не оправдались.

– И почему же не оправдались? Если ты выполнила то, что должна.

– Видимо... это должно произойти не сейчас.

– Правда? И кто в том виновен? – холодно поинтересовался Зан.

– Никто. Насколько это представлялось возможным, всё вышло благополучно. Мы не приобрели и не потеряли. Великие полководцы знают, что порой этого достаточно.

Предчувствуя, что разговор с отцом по обыкновению может затянуться, Катрина открыла бутылку Шато Мутон-Ротшильд своими окровавленными пальцами и плеснула вина в бокал.

– Что ж, значит, я верно решил и впредь сохранить все детали в тайне, – проговорил Зан. – Виктор озвучил всем официальную версию, которая избавит нас от лишней шумихи. Обычные дела стражей. Однако подданные Виктора задаются вопросами. Их смущает характер твоих ран. И я их понимаю. В Красных Дубах произошло нечто, выходящее за рамки ожидаемых рисков. Нечто большее. И это изменило ход твоего задания. Расскажи мне. Что ты там видела?

Катрина отпила из бокала и прикрыла глаза.

– Помнишь этот год? – произнесла она в ответ. – Сорок седьмой. Война недавно закончилась. Но её тень ещё витала над всей Европой. Люди ощутили приход зари новых времен и опьяняющую жажду жизни. В Югославии открылась знаменитая фирма звукозаписи Юготон. На первой выпущенной ими грампластинке звучали народные песни в исполнении мужского квинтета Загреба. Тем временем урожай в Бордо разлили по этим бутылкам. Жан Кокто сделал рисунок для этикетки⁵. Он родился в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году. Помнишь тот год? Последний из династии Обреновичей, король Александр вступил на королевский престол Сербии. Далеко не лучший из правителей Сербии. Прекрасная была весна. В Париже проходила всемирная выставка, приуроченная к столетию взятия Бастилии. Открылась Эйфелева башня, и её собирались разобрать после окончания выставки. А Бастилию взяли в год, когда Османская империя одно за другим терпела поражения от графа Суворова. Сначала в Фокшаны⁶, затем при Рымнике⁷. О, отец, наши глаза видели многое, и мы помним многое. Но то, что я увидела *там...* Такого не видел никто. Там всякая земная власть уступает могуществу первозданной тьмы.

Зан прошел и сел на позолоченную кушетку, оббитую красным шелком, стоявшую возле стены.

⁵ Жан Морис Эжен Клемент Кокто – французский писатель, художник и кинорежиссер.

⁶ Победное для русско-австрийских войск сражение под Фокшанами 21 июля 1789 года.

⁷ Одно из главных сражений Русско-турецкой войны, произошедшее 22 сентября 1789 года и также закончившееся победой русско-австрийских войск. Стотысячное войско Османской империи было разгромлено 7 000 русских и 18 000 австрийцев под командованием генерал-аншефа Суворова, при этом потери турков составили 20 000 к 500 со стороны русско-австрийских сил.

Катрина продолжала:

– Я выполнила сверх того, что требовалось от маршала клана стражей, от наемницы, от твоей дочери. Я вернулась оттуда, где рвется время и материя. Я пролила кровь, отдала свои силы, пожертвовала своими мечтами и желаниями, но дошла до конца. И я задаюсь вопросом, стоило ли оно того? Погоня за химерами Тентела привела меня на край гибели. Быть может, надобно поостеречься. Не приведет ли нас всех слепое следование пророчествам к гибели?

Зан с интересом выслушал дочь, а затем предостерег:

– Весьма смелое размышление.

– Полагаю, ты согласишься, что как стражи мы обязаны задаваться такими вопросами. С течением времени убежденная преданность древним традициям иссыхает в нашем сообществе. Но каждый, кого спроси, поклянется, что свято чтит Тентел. Как и я. Наши законы жестоко карают за сомнения в древних истинах, поэтому, едва ли находились те, кто допускал, что пророчества могут таить угрозу. И всё же мудрейший Понарин нынче не больно чтит заветы Тентела. А ты посылаешь меня украсть огонь с Олимпа, забывая, что Прометей поплатился за это тысячелетиями мучений⁸. И кто из великих лордов-маршалов прав? Ты или Понарин? Не является ли первоочередной задачей стражей выяснить, чья правота обусловит сохранность нашего рода?

Зан испытывающе воззрелся на Катрину:

– Надо думать, у тебя уже созрел ответ.

– Столь скорый ответ говорил бы о предубеждении и нежелании бороться с теми вызовами, которые встретила я, – взгляд Катрины обратился к её свежему шраму под ключицей в отражении. – А я их не страшусь. Я хочу знать, что проливаю кровь не зря и не во вред всем нам. И что кровь людей, которая сейчас на мне, была пролита не зря.

– И что же нам делать с нашими исконными традициями и их пророчествами, обещающими процветание на страницах Тентела, но угрожающими гибелью при всякой попытке дотянуться до их воплощения? – поинтересовался Зан с плотоядным азартом, как о предмете, способном прояснить их позиции, но, не проявляя ни капли нужды в советах.

Катрина допила вино из бокала и движением, исполненным грацией, как и любое другое её движение, поставила бокал рядом со свечами.

– Доверяясь обещаниям прошлого, мы должны помнить о риске будущего, – не задумываясь, предложила наемница. – И когда придет время выбирать между древними суевериями и стратегией выживания нашего рода, мы обязаны сделать правильный выбор.

Лорд-маршал Вэлкат слегка склонил голову в знак одобрения – таким едва заметным кивком монархи прошлого вершили судьбы, милую и вынося приговоры.

– Ты рассуждаешь мудро. Но с правильным выбором у тебя бывают проблемы. И твои приоритеты становятся причиной немалых хлопот.

Стальной тон осуждения зазвучал в голосе Зана Вэлката, застав Катрину врасплох. И она стояла молча, в незнании, в чем она повинна вновь перед самым суровым судьей её жизни.

Поднявшись, приблизившись к Катрине, Зан продолжал:

– Ты хочешь знать, что кровь людей, убитых чтобы жила ты, пролита не зря. Ты веришь, что в том вина моих поручений? Что наша преданность Тентелу обрекает невинных на смерть? На моей ли совести кровь людей, исцелившая тебя, ангел? Кровь дюжины душ, которая сохнет сейчас на твоей коже! – тихая буря уже начинала клокотать в голосе отца Катрины, но говорить прямо Зан не спешил. Словно зная, что неведение для его бесстрашной дочери страшнее приговора. Впрочем, наемница уже догадывалась, о чем рано или поздно упомянет Зан. – Этого

⁸ В древнегреческой мифологии – Прометей, один из титанов, похитил огонь у Гефеста и передал его людям, за что был наказан Зевсом и прикован к скале, куда на протяжении тысяч лет прилетал орел и клевал печень Прометея.

можно было избежать, если бы ты не протянула драгоценное время, пока серебро заживо жгло тебя изнутри.

Лорд-маршал Вэллкат, наконец, подобрался к тому, что его беспокоило всю дорогу, пока они ехали в поместье Вормана. Всю дорогу, пока израненная дочь без чувств и признаков жизни лежала на его руках.

– Ты желаешь отчитать меня за мой отказ убить фотографа? – покорно спросила Катрина, но не удержалась от сарказма: – Что же для тебя важнее, великий лорд-маршал, жизнь дочери или смерть незнакомца?

Зан ответил лишь прямым разъяренным взором своих извечно желтых глаз, и Катрина невольно потупила взгляд.

Прозвучало то, что пламенело в лорде-маршале неугасимой яростью. Фотограф калининградского журнала Марк Меерсон помогал Катрине выполнить последнее задание, окончившееся сегодня ночью в лечебнице Красные Дубы. Фотограф, торгуясь за спасение которого, Катрина чуть не потеряла свою жизнь.

По мнению Зана, вспомнив фотографа, наемница выдала себя.

– Я сам хотел поговорить об этом фотографе, но думал отложить до того, как ты восстановишься. Что ж... Ты часто споришь, порой бываешь слишком пристрастна, выполняя задания. В тебе хватает излишних эмоций и привязанностей. Но упрашиваешь оставить людям жизнь ты очень редко. И когда это происходит, дальше ничего хорошего ожидать не следует.

Катрина предпочла бы избежать этой темы, и демонстративно стала развязывать свои ботинки военного кроя, поставив ногу на край ванны.

– Не вини меня в том, что я умею принимать правильные решения самостоятельно, – сказала она тоном, завершающим разговор.

– Сегодня ты приняла неправильное решение. Ты позволяешь себе недопустимые прихоти. Мое мнение таково: нужно было убить фотографа. И его *нужно* убить.

Безапелляционный вердикт Зана грянул окончательно.

Катрина отставила ботинки и воззрилась на него с непониманием:

– Почему ты так этого жаждешь?

– А чем так ценен этот фотограф? – плотоядно спросил Зан.

Наемница отвернулась от слов отца:

– О нем пора забыть. Я прошу прощения, лорд-маршал, за то, что отвергла твою волю на глазах у Виктора и его подданных. Возможно, нам всем стоит умерить эмоции. Не забывай, ты всему меня научил, а значит мои несовершенства – твои ошибки.

Но попытка не удалась:

– Я видел, как этот фотограф смотрел на тебя, – не унимался Зан. Его снежно белое лицо исказила маска презрения. – Смотрел с трепетом, с надеждой, как на свою спасительницу.

– Они все так смотрят на нас. Будто мы боги, – возразила Катрина.

– И я видел, как смотрела на него *ты*, – с угрозой произнес её отец, из-за чего Катрина притихла. Голос лорда-маршала зазвучал вкрадчиво, с долей издевки. – Весьма необычный для тебя взгляд. Такой сочувственный, встревоженный. *Сердечный*, – с омерзением скривился он.

– И поэтому ты решил, что спасти меня нужно ценою его крови?

– Он свидетель. Я не нахожу уместным, что ты питаешь слабость к этому человеку.

Молния озарила окна. В её свете стало заметно, насколько несущественна разница в возрасте дочери и отца.

– Ты попусту беспокоишься, – поспешила заверить Катрина. – Марк мне безразличен, что бы ты себе ни мнил. Но с другой стороны, он мне ещё может пригодиться. Прошу, оставим это. На сегодня хватит с меня обязанностей.

– Обязанности будут всегда! – повысил голос Зан, и свечи в ванной разом зачадили черным дымом. – Что за безответственные суждения я слышу от тебя? На трех кланах лежит обя-

занность защищать лордоков. И по праву рождения тебе надлежит извечно нести этот долг, ибо мы стражи. От меня не скрыть истину! Ты привязалась к фотографу. В тебе столько слабостей! Ты вся в свою мать, даже не знаю, более хорошо это или плохо.

На этих словах Зана Катрина встrepенулась. Лицо красиво нахмурилось. Как ножом Катрину порезало напоминание о любимой матери. И теперь наемница пребывала в ожидании осквернения её имени, но сегодня Зан остановился на сказанном.

Тогда Катрина настойчиво проговорила:

– Мама не была слабой.

Зан с сомнением отвернулся.

– Она не была слабой, отец, – тверже повторила Катрина.

В ответ отец лишь молча смотрел ей в глаза, а она не отвела глаз в сторону. Катрина свято верила в свои слова. Так они безмолвно глядели друг на друга ещё с минуту. И на лицах каждого по-своему проступала горечь давно погребенных воспоминаний.

– Я мог потерять тебя сегодня, – спокойнее произнес Зан. – Из-за оказанной тобою милости к этому фотографу. Ты рисковала всем ради очередной мимолетной жизни. Напоминает случай с Джульетт Феннинг, не правда ли?

– Какой случай? – невозмутимо подняла брови Катрина. – Не было никакого случая. Мы тогда добились, чего хотели.

– О да, разумеется, – с коварной усмешкой подыграл лорд-маршал Вэллкат и замолчал. Вскоре выражение его желтых глаз смягчилось. Он увидел опечаленное лицо Катрины. – Оставим это. Тебе сейчас нужно отдохнуть. И от серьезных разговоров в том числе.

На этом лорд-маршал удалился, оставив Катрину одну, довольную возобновившимся покоем. Тишина и покой всегда привлекали её больше тщетных страстей этого мира.

Катрина протянула руку к ручке позолоченного крана, чтобы добавить в ванну горячей воды. Комната медленно стала наполняться клубами расслабляющего теплого пара. Расстегнув порванную, прошитую пулями и насквозь пропитанную кровью кожаную блузку, Катрина сняла с себя всю одежду и шагнула в пышные сугробы пены, заполнявшие ванну.

Соскользнув поглубже в теплую воду, она на некоторое время скрылась под водой, а затем вынырнула. Людская кровь сошла с молодого лица сербки, обнажив её утонченную привлекательность и благородные черты.

Она расслабленно положила голову назад, прикрыла глаза и постаралась забыть прозвучавшее имя Джульетт Фэннинг. Потому что это имя таило в себе печальную историю из дней давно минувших. Историю, которая будет тяготить Катрину, наверное, целую вечность.

Смех и отзвуки разговоров отголосками неслись по темным коридорам. Словно дом населяют призраки, подумала Катрина, выйдя из гостевой спальни, где временно жила. Она только что переоделась и направлялась в салон к заждавшимся её. Ей предстояло спуститься к призракам и принять их почтение.

На лестнице голоса зазвучали отчетливее. Здесь воздух наполнился ароматным дымом дорогих сигар, тихо звучала *Gymnopedia* №3⁹ Эрика Сати партией фортепьяно, за которым играла младшая дочь Виктора, Селона.

Все разговоры и музыка фортепьяно разом смолкли, когда в салон вошла Катрина. Необыкновенно красивое, как цветущая черная роза, прилегающее платье из бархата подчеркивало её грациозную фигуру. С широким вырезом на груди, который обрамляли легкие воланы из черного шелка. Поднимаясь по открытой спине к изящным плечам Катрины, они,

⁹ Гимнопедии – музыкальное произведение, написанное композитором Эриком Сати. Издано в 1888 году. Изначально Г. – один из важных праздников в Спарте, справлявшийся в июле на протяжении нескольких дней. Во время торжеств спартанцы исполняли обнаженные танцы и принимали множество гостей, приезжавших из соседних стран.

играя и веясь, спускались по линии декольте. Оборки из такого же шелка обвивали округлое бедро и наискось сбегали по ноге. Пышный шлейф царственно тянулся за платьем.

Наемница была так великолепна и волнительна.

Катрину встретили аплодисменты в её честь.

Все, от прислуги до хозяина вечера, восхищенно приветствовали внезапно появившуюся красавицу. Их самоотверженную и вновь неувредимую защитницу.

– Добрый вечер, – поприветствовала Катрина, глазами обведя всех присутствующих. – Виктор, – с почтением склонила голову она.

– Здравствуй, Катрина. Ты безгранично очаровательна! Как всегда и каждый раз, как вновь, – так же почтительно склонил голову Виктор.

Он поцеловал руку Катрины, галантно склонив голову чуть ниже положенного для лорда-маршала.

Остаток ночи прошел за расспросами. Причем Катрина появилась в тот момент, когда от серьезных тем все порядком устали. Знавшие требовательный и критичный вкус наемницы, подданные Виктора задавали ей вопросы об этом Марке Меерсоне. Спасенном Катриной молодом фотографе, персоне которого уже успела обрасти будоражащими интерес предположениями. Катрина отвечала уклончиво и сдержанно, что только укрепляло всеобщее любопытство.

Легкомысленные расспросы о фотографе лишь ещё больше раздражали Зана. Он стоял у окна спиной ко всем, заложив руки за спину. С величием полководца, планирующего войну, пока все отдаются праздности.

Глава 4. Связь

*Меня томило непонятное волнение, мне было и сладко, и страшно,
и немного противно.*

*Джозеф Шеридан Ле Фаню
«Кармила»*

К прошлому я уже не вернусь. Минувшие дни стерли мое прошлое. Мне не к чему возвращаться. Что-то во мне навсегда изменилось, а что-то умерло. Нужно время, чтобы забыть про смерть и убийства и жить жизнью. Много времени. Но необходимо двигаться дальше.

За последние дни я так привык к присутствию Катрины, что этим утром мне показалось, будто Катрина находится в соседней комнате. Словно вчера мы вернулись вместе. На самом деле моя квартира была пуста. Только я и эта чертова боль посреди холода.

С родителями я в последнее время не хотел общаться, невесту отнял у меня несчастный случай, а друг предал. Моя походила на руины. Пустошь. Может быть, теперь у меня никого не осталось, но я знаю одну девушку, которая верит ещё во что-то хорошее и справедливость. Она будет рада мне помочь.

Я позвонил Кристине Боголюбовой, молодой журналистке из редакции «Интересной жизни», моей сотруднице. Сказал, что кое-что произошло, меня это тоже коснулось, и теперь у меня некоторые проблемы со здоровьем.

– Мне необходима твоя помощь. Совсем небольшая и неопасная, – добавил я.

– Неопасная? – повторила Кристина. – А я думала, ты предлагаешь мне что-то интересное.

– Интересное уже закончилось. И это было не столько интересным, сколько отчетливо запоминающимся. Привезешь мне пачку обезболивающего, пластырь и антисептик?

– Ой, тебя что, побили? – ужаснулась Кристина.

– Если бы...

– Ты меня пугаешь. И это жутко интересно! Когда я привезу лекарства – всё расскажешь.

Она перекочевала в наш журнал прямиком из института с неугасимой жадой нарывать сенсации.

– Ничего не обещаю, – сразу предупредил я. – Да, и кстати, прихвати чего-нибудь поесть. Кристина охотно согласилась и многозначительно добавила, что всё поняла.

Потом я позвонил в управляющую компанию. Мне долго пришлось объяснять, что моя входная дверь сломана уже несколько дней, чтобы несговорчивая диспетчер согласилась пригласить мастера сегодня же.

Стоя у окна и глядя на мокнушую под дождем улицу, я ждал Кристину, а перед глазами мелькали выстрелы, кровь, трупы. Не мог отделаться от этих картин. Мне было паршиво.

В реальность меня вернул звонок в дверь.

На пороге стояла беззаботная блондинка с длинными прямыми волосами. Кристина Боголюбова. В своем модном бежевом блейзере. В одной руке у нее была сумочка и пакет, в другой мокрый зонт. Она приветливо улыбалась, а когда разглядела меня получше, её лицо помрачнело.

– Марк... – обеспокоенно протянула она. – Мария Андреевна не зря волновалась за тебя.

Мария Андреевна, наш редактор, дала мне небольшой отпуск после гибели моей невесты. Но я, наоборот, попросил загрузить меня работой. А потом пропал из виду редакции, когда в мою жизнь ворвалась Катрина и забрала меня в мир ночи.

– Заходи.

Кристина прошла и огляделась. Кажется, от её любопытного журналистского глаза ничего не ускользнуло. Сломанная входная дверь её особенно заинтересовала. Поставив зонт на пол, она вопросительно посмотрела на меня.

– Да, сам знаю, у меня приличный беспорядок. Эта старая квартира пустовала несколько лет. Я жил у своей невесты, пока несчастный случай не отнял у меня Марину. Ладно, не обращай внимания. Ты принесла лекарства?

– Конечно.

Она сняла свой блейзер. Выложила на кухонный стол упаковку с обезболивающим, йод, пластырь, стерильную вату с бинтом, пачку замороженных равиоли и салат в пластиковой коробке. Я благодарно посмотрел на Кристину.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – она обвела глазами кухню. – А у тебя здесь действительно так себе. Ой, слушай, мне столько нужно от тебя услышать! Даже не знаю, о чем спрашивать в первую очередь. Нужно начать по порядку.

– Можно подумать, ты пишешь статью.

– А так и есть.

– Что?

– Да. Только Мария Андреевна ничего об этом не знает. Это не формат нашего журнала. Я решила написать серьезный материал и продать в федеральную газету.

– Ну и о чем будет статья?

– Ты ведь знаешь, что в городе произошла серия криминальных событий, похожих на разборки организованных преступных группировок? Только следы к ним не ведут.

– Я был занят, и не очень следил за новостями. А как ты узнала про следы?

Кристина с воодушевленным видом набрала побольше воздуха, чтобы продолжить:

– Кое с кем пообщалась. Представители властей сами дают это понять. Мой материал о преступной деятельности неизвестной пока стороны, жертвами которой стали калининградцы, связанные с разными сферами профессиональной деятельности. Возможно, преступный заговор как-то связан с материалами, которых наш журнал уже касался. Нужно хорошенько порыть. Кстати! А ты случайно ничего об этом не знаешь? Откуда у тебя эти синяки и раны?

Я нехотя ответил:

– До чего же богатая у тебя фантазия.

– Марк, я абсолютно серьезно.

С минуту мы смотрели друг на друга в полной тишине.

Всю правду рассказать я не мог. А лгать ей было бессмысленно. Чутье у Кристины работало безупречно. Оставалось только одно. Я должен предупредить её, иначе профессиональное любопытство заведет её на край пропасти. А я отчетливо усвоил урок: существуют пропасти, в которые человеку лучше не спускаться.

И я ответил.

– А если я скажу тебе, что концов ниточек, которые могли бы к чему-то привести, теперь не найти. Ты оставишь свою затею?

– Очуметь! Ты что-то знаешь? – глаза Кристины прямо-таки горели от любопытства.

Я устало потер лицо. Разумеется, её реакция оказалась вовсе не такой, как мне бы хотелось. Чтобы убедить её потребуются больше усилий.

– Кристина, послушай, нельзя писать о том, о чем ты намерилась.

Она отрицательно покачала головой:

– Наоборот...

– Нет! – отрезал я, предчувствуя беду, которую может на нас обоих навлечь Кристина. – Есть в мире силы, которые настолько могущественны, что голос правды бессилен. Они никогда

не допустят огласки. Да и тебе к ним не подобраться. Дело не резонансное. У них развязаны руки. Таким убежденным журналистам, как ты, нужно знать границу. Может быть ты идеалистка, но ты хочешь сыграть на поле, где мораль и идеалы мертвы.

– Хорошо, не для печати: что ты знаешь?

– Я могу сказать лишь одно. Жертвы недавних убийств никого не разоблачали, ни с чем опасным не были связаны и не хранили темных тайн. Но их убили. Возможно, изначально этого не планировалось. Но эта история закончена. Точка, – я твердо посмотрел Кристине в глаза. – Мы ничего не можем. И твоя статья, какая бы хорошая ни была, никого не затащит в суд, не призовет к ответу. Она лишь нацепит мишень тебе на лоб. И людям, связанным с тобой. Поверь, я знаю, о чем говорю. Если оставить всё как есть, то жизнь продолжается. Если вступить в борьбу со стихией, ты обязательно проиграешь. Мне жаль, Кристинка, правда, но океан нельзя переплыть. Сейчас всё только начало утихать.

Я подбадривающе похлопал её по плечу. Она смотрела на меня померкшими глазами.

– Поверить не могу, что это говоришь мне *ты*, – глухо проговорила она.

– Я трезво вижу границы наших возможностей. Посмотри на меня, на мои раны. Границы моих возможностей видно невооруженным глазом, – я жалко усмехнулся. Потом усмешка и вовсе сошла с моего лица. Губа заболела, да и улыбаться на самом деле не с чего. – Думаешь, я добровольно ввязался бы во всю эту хрень?

Кристина пожала плечами.

– А как ты с этим связан? – спросила она.

Я покачал головой.

– Мне просто не повезло. Хотел бы я знать правду, о которой гредишь ты? Нет. Я бы предпочел ложь. Ту, которая будет держать меня на безопасном расстоянии от проблем. Думаешь, я искал сенсацию? Справедливость? Или хотел сделать добро? Я просто жил. Был подавлен горем. Пытался оправиться после потери Марины. Занимался переездом сюда. И вдруг, на меня как стая диких собак налетела вся эта чернь! Бам! И моя жизнь превратилась в охоту. Всё сгорело. Они убили бы меня, если бы не... – я осекся и быстро закончил: – Наша жизнь ничего не стоит. Не важно, как много или мало ты знаешь. Лучше просто забыть.

Кристина с сочувствием смотрела на меня. Она начинала понимать.

– Боже мой, да вся эта передряга тебя просто сломала, – сказала она и, задумавшись, постучала ноготками по столу. – Слушай, Марк, а Тимофей знает, что у тебя проблемы?

– Очень надеюсь, что проблемы уже позади. Насчет Тима я ни в чем не уверен. Он уж точно он в курсе моих проблем. Но положиться на него я теперь не могу. Скажем так, больше мы не друзья.

– Да ты что? А он про тебя спрашивал. Ясно теперь, почему он хмурый по редакции ходит.

Я небрежно бросил:

– Это его дела, – мне было всё равно, я хотел дать понять это Кристине. Дружба обесценилась для меня. И больше не занимала мои мысли. Над ними властвовала теперь стихия новая и куда более сильная. – Не бери в голову. Всё в прошлом. Всё осталось там, за восходом солнца.

Перед моими глазами на мгновение возник призрачный образ Катрины.

Кристина подбадривающе легонько похлопала меня по плечу.

– Знаешь, ты меня почти убедил насчет статьи. Слушай, ты сам как, в порядке?

– Да. Теперь всё наладится.

Кристина скептически покивала и деловито принялась за приготовление равиоли. Через несколько минут мы сидели за столом, на котором стояли дымящиеся чашки чая, салат и по порции равиоли.

– Кристина, я так благодарен, что ты мне помогаешь.

– Мне приятно тебе помогать. Тебе сейчас нужен кто-нибудь. Знаешь, я выросла в дружной семье. Мои всегда друг другу помогают. И мне не сложно делать что-то полезное для других.

– Поэтому ты выбрала журналистику? Чтобы писать полезные статьи?

– Шерлоком тебе точно не стать. Нет, не поэтому. Журналистика это просто мое. Только, в нашем журнале не слишком-то разгуляешься. У редакции никаких амбиций.

Она замолчала, глядя на то, с какой скоростью я уплетаю ravioli.

– А ты давно не ел?

– Последние дни у меня не слишком-то выходит нормально питаться.

Кристина отпила чай, внимательно рассматривая меня.

– Слушай, наверное, я сейчас странную вещь озвучу, но когда ты сказал, что всё осталось за восходом солнца, мне показалось, ты об этом говорил почти с сожалением.

Какие мелочи Кристина порой замечает. Вот уж настоящий журналист. В тот момент, о котором она говорит, я вспоминал о Катрине. И вот опять мой взор застлала длинная тень черных одежд загадочной сербской наемницы.

Потустороннее чувство, будто сквозь это видение Катрина заглядывает в мою жизнь, прокатилось по моей коже холодной волной. Я ощущал почти мистическую и необъяснимую связь с Катриной, всякий раз, как в памяти оживал её образ. Волнующий и прекрасный.

– Есть в том, что всё позади и нечто печальное, – признал я.

– Да? – с сомнением произнесла Кристина, глядя на мою порванную губу.

Я потыкал в тарелке вилкой.

– Не проси объяснять. Всё очень сложно, Кристина. Знаешь, недурно бы вообще сменить тему.

Кристина пожала плечами и оживилась.

– Странный ты, конечно, – беззаботно сказала она. – Слушай, тебе не помешало бы к врачу. Я про твои раны. Особенно на плече, кровь по одежде подозрительно разрастается, – аргументировала она. – А когда ты планируешь вернуться на работу?

– Скоро, – машинально ответил я, хотя на самом деле ещё даже не думал об этом. Это был вопрос из совсем другой жизни. И она, возможно, осталась в прошлом.

Вскоре, когда Кристина собиралась уходить, пришел слесарь. Крупный мужик. Он присвистнул, разглядывая фронт работы – покосившуюся входную дверь, едва державшиеся в дверной раме петли и вырванное из рамы гнездо для защелки. Сказал, что работы тут на полдня, а заказов у него ещё полным-полно. И всё же охотно взялся за инструменты.

– Если по-хорошему, так это нужно бы сменить вам дверь, – сказал он, вымеряя что-то в районе замка. – Но починить, конечно, можно всё.

Кристина пожелала мне не болеть. Серьезно напомнила, чтобы я обращался к ней за помощью, если вдруг что понадобится, и ушла.

Под вечер мастер до неузнаваемости преобразил дверь. Теперь она крепко держалась на трех новых петлях. К старому замку прибавились ещё два новых, а дверную раму слесарь укрепил металлическими уголками.

Приятно было закрыть дверь, не прилагая для этого никаких усилий. Замки звонко щелкнули, вселяя ощущение надежности. Впрочем, одно лишь воспоминание того, как легко лордоки вышибают тяжелые металлические двери, разрушило чувство надежности. И всё же теперь входная дверь вселяла хотя бы иллюзию безопасности.

А иллюзии это как раз то, что не дает миру сойти с ума от безысходности.

Глава 5. Темница

Прекрасному неизменно сопутствует или тьма человеческой судьбы, или блеск человеческой крови.

Иво Андрич

Холодный дождливый рассвет не удостоил Калининград солнечными лучами. Жизнь и работа в городе пронеслись сквозь очередной пасмурный день. Солнце так и не показалось. Близился закат, обещавший стать безжизненно-серым.

Гром, сотрясший небо над поместьем Вормана, потревожил сон его обитателей задолго до того, как они должны были пробудиться.

– А где же Виктор? – спросил Зан Ингу, когда зашел в салон.

Заслышав голос лорда-маршала клана стражей, подданные двух кланов прервали обсуждения бурных событий прошлого вечера.

– Он в библиотеке с Джаредом, – ответила Инга, гибко повернувшись в своем кресле назад, к Зану, позабыв о разговоре с тремя собеседниками и подобострастно заглядывая лорду-маршалу в глаза. Старательно скрывая небрежный тон, она прибавила: – А где Катрина? Здесь её все ждут.

– Уверен, скоро спустится, – двинувшись к выходу, бросил Зан.

Он поднялся на второй этаж и направился в библиотеку.

Возле одного из стеллажей с книгами негромко звучали мужские голоса.

Лорд-маршал Ворман и советник Зана беседовали под огромным масляным полотном, на котором Гяур яростно сражался с Хассаном¹⁰.

– Джаред, оставь нас, – велел Зан с порога.

Советник клана Вэллкатов кивнул и двинулся к выходу.

– Продолжим нашу увлекательную беседу позже, друг мой, – произнес ему вслед Виктор. Джаред вышел и закрыл за собой двери.

– Катрина уже спустилась? – поинтересовался Виктор.

– Нет еще. Ей нужно хорошо отдохнуть. Ты же знаешь, как это бывает после столь сложного поручения. Хотя, должен отметить, она едва с ним справилась.

– Ты слишком строг к своей дочери, – Виктор протянул приближающемуся Зану только что наполненный бокал.

Зан взял бокал:

– Не строже должного. Наемники это сталь, закаленная в самом раскаленном горниле мироздания. Так повелось от первого наемника. А уж во времена, когда смертные матери выбрасывают своих новорожденных детей в мусорные жбаны, чтобы отделаться от ответственности, понятие строгости утратило былую остроту.

– Катрина чрезвычайно способная и преданная дочь. Мы все обязаны своей безопасностью той стали, которую ты из неё выковал.

Зан прошел к окну и теперь смотрел, как Игорь катит садовую тачку, накрытую брезентом в сторону флигеля на территории поместья. Под брезентом несомненно покоились тела – из числа тех двенадцати людей, чью кровь спустили вчера для наполнения резервуара. А густой дым из трубы флигеля свидетельствовал о том, что они будут преданы огню.

Как и сотни предшествующих тел.

¹⁰ Копия картины французского живописца Эжена Делакруа 1835 года, на которой изображена сцена ожесточенного поединка разбойника Гяура, мстящего турку Хассану за убийство облыщенной Гяуром жены. Сюжетом для полотна Делакруа послужила мистическая поэма «Гяур» Джорджа Гордона Байрона, в которой поэт представлял Гяура как потерявшего веру христианина, ставшего вампиром, и тщавшегося искупить свои грехи.

- Мы отбудем завтра с заходом солнца, – сообщил Зан. – В Белграде ждут дела.
- Стало быть, в следующий раз свидимся лишь на Поминальном балу?
- Видимо так.

Виктор отозвался с любезной предупредительностью:

– Тогда позволь позвать вас омыть вашу дорогу на празднестве! Я позабочусь, чтобы его устроили нам в одном из здешних мест для увеселений.

Катрина, вышедшая вскоре из гостевой спальни, встретила Виктора на лестнице, когда спускалась. Облокотившись на перила, лорд-маршал Ворман ждал её внизу.

– Как ты? Накануне у тебя был трудный день.

– Вполне сносно.

– Хочу принести извинения, если назойливые расспросы моих подданных побеспокоили тебя вчера.

– Не стоит. Всё хорошо.

Виктор повел рукой вниз, на первый этаж, предлагая Катрине продолжить спускаться, и они зашагали по лестнице.

– Полагаю, ты голодна?

– Если предлагаешь, я не откажусь.

Они сошли в холл, где шуршащие, барабаниющие звуки непогоды сделались громче. Виктор и наемница завернули за лестницу и направились по узкому коридору, который на две – три ступени время от времени спускался всё ниже. Они остановились возле двери в его конце. Металлические прутья крепко оплетали тяжелую древесину. Засов и тяжелый замок надежно запирали дверь. Ещё одна такая же дверь вела в этот подвал из кухни.

Виктор снял с крюка в стене связку из четырнадцати старых ключей и отпер замок. Толкнул тяжелую дверь, и та отворилась в темноту.

Здесь можно было разглядеть лишь несколько грубых ступенек растрескавшейся каменной лестницы без перил. Тут же с промозглым воем и мерзким сырым запахом подул сквозняк.

Лорд-маршал любезным жестом пригласил Катрину войти первой и сам последовал за своей гостьей.

Дверь он оставил открытой.

Виктор и Катрина оказались в просторном подземном холле. Стены и пол выложены из камня. Отсюда в разные части дома вели узкие тоннели. А рядом с лестницей проходил просторный коридор по обе стороны с чем-то вроде тюремных камер площадью около семи квадратных метров каждая. Их было тринадцать. Девять вдоль стены, одна сзади, ещё три в глубине подвала возле узкой арки окошка под потолком, через которое сюда заливалась дождевая вода.

Толстые решетки клеток были выкованы из неровных квадратных прутьев металла. Работа была грубой, ещё времен Восточной Пруссии. Очень крепкая ковка, возможно, ничем не уступающая современным конструкциям. О такие решетки немудрено порезать руки.

Камеры между собой разделяли каменные перегородки. Место это производило весьма тягостное впечатление. Здесь стены пропитал ужас смерти. Казалось, всё хорошее и светлое, что есть в этом мире, отступало далеко отсюда.

В камерах явно кто-то находился.

Из темноты доносились унылые позвякивания цепей, сбивчивые истеричные вздохи и суетливые шорохи. Но все эти звуки были старательно тихими, словно затаившиеся в темноте боялись обратить на себя внимание Катрины и Виктора, пришедших в их темницу.

– *La'ji vo'wooro*, – (что означало: «Они боятся») сказала Катрина на языке лорд-маршалов, глядя в темноту.

В их языке преобладали глухие велярные звуки – заднеязычные согласные – и альвеолярные латеральные спиранты, похожие на пение змей. Шелестящая текучая речь периодически прерывалась ингрессивными, созданными на вдохе, гласными.

– *La'ji sadia ce dinmil'roh*, – («Им ничего не остается») провозгласил Виктор, посмотрев туда же. – Они притихли. Думают, мы чудовища. Ты помнишь, в средних камерах – те, что получше, – напомнил он, подходя к одной из камер с приготовленным ключом. – Выбирай.

Он открыл скрипнувшую дверь. Путь в камеру был привлечен. Катрина зашла внутрь, а Виктор остался снаружи.

Пленительный людской страх впустил наемницу. Этот страх пробуждал голод так же, как волнующий запах крови или сладкий с кислинкой аромат феромонов, как и красота правильных черт их молодых лиц.

Катрина начинала ощущать, как манят её инстинкты.

Прижавшись друг к другу, у стены сидели семеро. Когда Катрина вошла, камеру наполнил истошный стон страха. Она остановила взгляд своих синих глаз на первом человеке. Худосочный мужчина лет сорока с опущенными глазами. Наемница какое-то время смотрела на него, потом медленно протянула руку и подняла коготком указательного пальца его уставшее лицо. Глаз он так и не поднял. Смотрел в сторону. Он уже ничего не боялся и ни на что не надеялся. На смену пришла горечь отчаянья и смирение, которое наемница прочитала в потухших опущенных глазах мужчины. Этот Катрине не подходил. Он пробыл здесь слишком долго.

Наемница резко оторвала свою руку от его лица и шагнула к следующему человеку. Остальные пятеро ещё сильнее прижались друг к другу. Катрина протянула руку к молодому лицу и таким же движением приподняла лицо парня когтем.

Истерика подкрадывалась к юноше всё ближе. Он едва держал себя в руках, чтобы не заорать мольбы о помиловании. Его слезы блестели в темноте. Несмело он хотел было открыть рот, но наемница его перебила:

– Ш-ш-ш, – Катрина приложила палец к губам, глядя на перепуганного юношу спокойными глазами. Она присела рядом с ним. – Тише. Успокойся. Не шуми. Пожалуйста.

Рука, которой она приподнимала лицо парня, соскользнула ниже к сердцу бедняги. Испуганное сердце колотилось быстро-быстро. Пульс отчетливо отдавался в ладони наемницы, наполняя её сладким предвкушением крови.

Виктор с интересом наблюдал за Катриной в ожидании её выбора. Узники притихли. Они уже видели прежде, как приходили члены семьи Вормана, выбирали и забирали людей.

Катрина встала и подошла к молодой светловолосой женщине, отчаянно утыкавшей свое лицо в плечо соседа. Тот был красив, широкоплеч, с длинными волосами. Он тоже был напуган, но самообладания не терял. Его выдавали глаза. Глаза всё говорили о нем. Сильный снаружи, он боялся внутри. Так глубоко, что сам не знал, насколько велик его страх.

Взгляд лордочков проникал в глубины человеческих душ, где все честно с собой, где человеческий род един в своих страхах и надеждах. Неважно, кто они. Когда наступает час истины, даже князья цепляются за любые возможности, торгуются, унижаются, теряя свое наносное величие.

И всё же этот человек был другим. Он лучше бы умер, только не потерял чувство собственного достоинства. Катрина мельком на него взглянула и поняла это сразу.

Она опустила руку с молодой светловолосой женщиной. Та тихо плакала.

– Как тебя зовут? – спросила наемница.

Женщина всхлипнула и, захлебываясь слезами, невнятно проговорила:

– Тамара.

– Не говори с ней, – сказал Тамаре широкоплечий длинноволосый мужчина.

Катрина остановила на нем жесткий взгляд, который неожиданно для мужчины оказалось болезненно сносить.

– Замолчи! – зашипела она.

Наемница ещё долго молча смотрела взбешенными глазами на длинноволосого узника, потом вернула внимание к Тамаре, и выражение её глаз смягчилось. Катрина прошептала успокаивающим голосом:

– Бояться не нужно. Вы не знаете, что вас пугает, потому что нечего страшиться. Вы не почувствуете того, чего боитесь.

Тамара проскулила, таращась на Катрину, схватила за её руку и хотела что-то сказать. Но слов так и не нашлось. Что бы узники ни произнесли, их участи это не изменит. Поэтому Тамара просто держалась за холодную белую руку наемницы лордоков, столь отличающуюся от человеческой.

Не в первый раз безмолвие оказалось красноречивее любых слов.

Катрина погладила Тамару по голове, улыбнувшись ей, потом разжала пальцы женщины и медленно зашагала к широкоплечему длинноволосому храбрецу, что осмелился навлечь немилость наемницы.

Катрина поставила ногу на колено узника и оперлась на неё руками, склонившись над мужчиной. Тот скривился и вскрикнул от боли, но потом стиснул зубы и замолчал, чтобы не доставлять своей мучительнице удовольствие наслаждаться его страданиями.

– Ты разочаровал меня, – холодно сказала Катрина без какой-либо интонационной окраски. – Я люблю покорных.

Широкоплечий длинноволосый узник прищурил глаза и подался вперед:

– И что ты сделаешь? Убьешь? Это ещё не самое страшное.

– Ты не знаешь, где ты. Не знаешь, кто я. А вдруг заберу твою душу?

Тон голоса, с какими Катрина произнесла свои слова, прозвучал уверенно и спокойно, опьяняюще правдиво. Устрашающе лукаво. И он поверил. Да так что не смог больше смотреть Катрине в глаза.

– Я знаю, кто ты, – пробормотал себе под нос узник. – Здесь всякое говорят. Вдоволь наслушался. Да только не верю я в страшные сказки.

Он ей подходил, и она поняла это сразу же. Он подходил ей ровно, как и молодая женщина до него. Однако в этом смертном что-то было. Что-то, отличающее его от других. Катрина начинала понимать, чем этот узник ей приглянулся. Он напомнил ей Марка.

Она убрала ногу со вдавленного колена этого молодого мужчины и тот, вновь скривившись, вздохнул свободнее. Но поднять глаза так и не осмелился.

– Потому что боишься поверить, – сказала она, отворачиваясь.

Наемница лордоков спустилась в эту темницу с Виктором Ворманом лишь для одной цели. Лишить крови одного из узников. Подобные узилища имелись во всех домах лордоков. Но Катрина решительно не захотела пить кровь широкоплечего мужчины с длинными волосами. Воспоминания о фотографии отвлекли бы и отравили предстоящую сладость ненужной грустью.

Она почувствовала неясное смятение в глубине своего спящего сердца, поразившись чувству, которое ощутила.

Каким бы странным ей самой не показался такой отказ, Катрина наотрез не пожелала пить кровь того человека, который её больше всех заинтересовал.

Ее глаза скользнули по трем людям в углу. Цепким взглядом она быстро окинула смертных, к которым ещё не подходила, посчитав, что уже сделала свой выбор. Те трое в углу ей не приглянулись.

Синие глаза вампира внезапно вспыхнули желтым сиянием, ручейками разлившемся по всей роговице от зрачка к черной кайме вокруг радужки.

Она вернулась на шаг назад, взяла Тамару за плечо и выволокла из камеры, ничего не понимающую и насмерть перепуганную.

Широкоплечий смертный, чем-то напомнивший Катрине Марка, и сам был поражен и почему-то напуган не меньше Тамары. Он, видимо, считал, что опасность грозит ему.

Виктор закрыл дверь на ключ и посмотрел сквозь решетки на своих узников. Все сидели смиренно.

Широкоплечий узник, с ненавистью глядя на лорда-маршала Вормана, вдруг проговорил со своего места:

– Вы не можете нас здесь держать!

Виктор смотрел на него и ничего не отвечал.

Катрина вела Тамару в сторону лестницы, и у девушки зародилась надежда, что наемница выведет её на свободу.

Широкоплечий мужчина не без усилий поднялся и, прихрамывая, стремительно подошел к решетке.

– Вы слышите? Отпустите нас! – продолжал горячиться мужчина и уже перешел на крик. Он схватился руками за прутья решеток, которые как ножи впились в его ладони. Виктор с удовлетворением отметил, что по рукам узника потекли капли крови. Мужчина гневно смотрел в спокойные, ликующие над его суетой глаза Вормана. Потом повернулся к другим узникам. – Ну что вы сидите? Куда подевалось ваше самоуважение и мужество?! А ну-ка поднимайтесь! Мы зададим им! Мы прорвемся! Вставайте!

– Они вас не послушают, – торжествующе спокойно сказал Виктор, прервав длинноволосого узника. – Они не откликнутся на ваши крики о помощи. Они не будут сражаться. В этом месте регулярно происходит удивительное явление, мой дорогой гость. Я наблюдаю его уже очень давно. Великое Падение человеческого духа. Они знают, что уже мертвы. Как и вы. Так что замолчите и сядьте на свое место, я люблю тишину и покой.

Неожиданно для Тамары Катрина увлекла её мимо лестницы в темный узкий тоннель, который вел в западное крыло. Здесь они терялись из виду для заключенных. Наемница вдруг остановилась и ласково провела когтем по щеке Тамары, издав сочувственный вздох. Не успело недоумение Тамары смениться испугом, как Катрина дернула голову девушки в сторону и вонзила свои острые клыки в её шею.

Этот укус был аккуратен и совсем лишен ярости. Острые белоснежные зубы не разодрали плоть, как когда наемница отнимала жизни своих врагов.

Этот укус походил на навалившийся сон. Туман окутал сознание Тамары, земля под её ногами начала таять, и вот девушка понеслась прочь в объятия забвению. Всё исчезло и опустело.

Катрина закрыла глаза, чтобы почувствовать этот наполняющий самой жизнью вкус. Грош цена всему тому золоту, что восхваляют алчные скупцы! К чему бриллиантовый плеск шампанского Луи Родерера¹¹ и тонкий букет вин Сардинии! Перед испиваемой кровью блекнет лик сияющей луны, что освещает полмира и всё небо над ним! И даже томление любовной страсти склоняется пред удовольствием, что вновь и вновь ощущала Катрина с каждым глотком. Кровь в эти мгновения была для неё всем, и ничего более не нужно. Гуще вина, слаще шоколада, чарующее любых благовоний, кровь ласкала язык вампира и проникала по всему её телу. Наемница чувствовала, как новая жизнь вливается в её вены. О, как это долгожданно!

Даже само томление голода доставляло удовольствие, а вознаграждение было бесценно.

¹¹ Cristal – (*хрусталь*, *фр.*), марка французского шампанского впервые созданного Луи Родерером с учетом особых требований для императора России Александра II. Украшенную императорским гербом бутылку изготовили из хрусталя. А благодаря особому смешиванию сортов, в напитке появляются пузырьки гораздо большего размера, чем у игристых вин других производителей. Впоследствии Дом Родерера стал выпускать различные сорта престижного кюве, получил статус официального поставщика Российского императорского двора. В современности является одним из самых дорогих шампанских. Для некоторых партий создаются бутылки, оплетённые драгоценными металлами по задумке известных дизайнеров.

Катрина сильнее впиалась в шею безвольно повисшей у неё в руках девушки. Она слышала, как глухо, всё медленнее и медленнее бьется сердце Тамары.

Весь вчерашний вечер она ждала этого момента. Резервуар лишь вернул ей силы. Катрине же хотелось чего-то настоящего.

Поглощая кровь, наемница дала крови поглотить себя.

Сердце девушки остановилось. И в темном тоннеле наступила тишина.

Жизнь оборвалась. Никаких угрызений совести. Лишь странное чувство опустошения, пришедшее вслед за утоленным голодом.

Катрина открыла глаза и с толикой жалости посмотрела в застывшее иссушенное лицо Тамары. Она отпустила Тамару с почтением к своей жертве. Безжизненное тело неуклюже сползло на пол к ногам наемницы.

Вслед за наслаждением утоленного голода ценою жизни наступило и горькое послевкусие пустоты. Будто сладость крови скрывала каплю разъедающего душу яда. Из темноты Катрина взглянула на Виктора, задумавшись, знакомо ли ему это чувство?

Запертые в клетках не видели, что произошло. И не хотели знать. Когда Катрина вышла одна в промозглый свет, падающий от арки окошка под потолком, отчаянье поглотило узников. Пугающее безмолвие, царившее в этой темнице, продолжится и впредь. Некоторые женщины в камерах беззвучно заплакали и уткнули лица в ладони, мужчины бессильно склонили головы.

И пусть тьма этой темницы сокроет их горе и печаль.

Виктор напоследок обвел своих узников хозяйским взглядом.

Катрина, не оборачиваясь, зашагала вверх по лестнице. Лорд-маршал Ворман направился вслед за ней. Дверь за ними закрылась, повороты ключа в замке эхом разнеслись по темнице, и ознаменовали ещё несколько лишних часов жизни для узников.

Глава 6. Шелк и кружева

*У времени есть поважней дела,
Чем вслушиваться в шепоты и вздохи.*
Стивен Винсент Бене

Над крышами домов, стоявших вокруг площади Победы, в хмурое ночное небо от Северного вокзала поднимались клубы пара.

По залитому дождем проспекту, отражая ночной свет, как призраки скользили несколько блестящих черных автомобилей.

Узнав их, сотрудники элитного ночного клуба поспешили открыть дверцы остановившихся машин. Раскрылись черные зонты. Из тьмы салона на мокрый тротуар сошли люди в темных одеждах, с холодными глазами на белых лицах. Галдящая толпа желающих попасть в клуб, увидев прибывших, на мгновение позабыла о своей шумной суете. Торжественно мрачные, словно реквием, особые гости в следующее мгновение исчезли за дверями клуба.

Члены семьи Ворман регулярно проводили время в этом заведении. Для них была приготовлена VIP зона, куда двое солидных охранников никого не пускали, если только не поступит распоряжения от Виктора Вормана.

Отсюда, с большого балкона, открывался вид на залитый лазерными лучами танцпол, весь клуб был как на ладони. Здесь размещались отдельный бар и несколько столиков с удобными кожаными креслами вокруг, два роскошных дивана и подиум, на котором танцевали стриптиз лучшие танцовщицы клуба, работающие парами только в этом секторе и сменяющиеся каждый час.

Зону обслуживал отдельный администратор, официантки, готовые принести все, что только ни закажешь. А если в клубе чего-то не окажется, служащие доставят это специально для VIP-гостей в течение получаса. Причем такого сервиса не получали больше никакие гости этого клуба. Всё устроено только ради Виктора Вормана и сопровождающих его лиц.

Владелец клуба был знаком с Виктором и всякий раз не забывал об этом упомянуть. Он знал, что Ворман исключительная персона в этом городе, хотя понятия не имел, кем является и чем именно занимается Виктор Ворман. Он обожал своего щедрого и таинственного гостя, которого окружала извечная свита из красивых девушек и вооруженных молодых мужчин. Они разбрасывались деньгами как грязью. Клуб мог бы существовать только за счет редких визитов одного лишь Виктора и его друзей. К тому же, некоторые криминальные дела сходили с рук владельцу клуба благодаря покровительству Вормана.

Он опасался лишь, что в любой момент весь его бизнес может перейти к Виктору по щелчку пальцев. Но у лорда-маршала Вормана были другие интересы.

Сегодня Виктор привел Зана Вэллката и его подданных в довершение торжеств перед их отъездом. Подобные знаки уважения между кланами и лояльности к стражам практиковались часто в их диком обществе.

По пути в VIP-зону Джаред задержал Катрину, и они отстали от остальных:

– Я слышал, как Зан говорил сегодня с Виктором об этом Марке Меерсоне, – негромко начал он. – Похоже, судьба фотографа может измениться к худшему. Он свидетель и знает о нас слишком много. Твоего отца всерьез беспокоит твое увлечение им. И твое поведение.

При упоминании Марка, Катрина внезапно почувствовала себя уязвимой и тут же напала советнику его место:

– Ты будешь говорить со мной о моем поведении? Джаред, не забывайся.

– О напротив! Я лишь передаю то, что случайно услышал из разговора двух лордов-маршалов, – доверительно заверил Джаред. – Если существует конфликт интересов между тобой

и Заном, то в интересах клана желательно уладить его как можно скорее. Я был бы рад помочь в этом деликатном деле. И поэтому я хочу спросить, как твой верный друг: какие планы на этого фотографа у тебя самой? Нравнодушна ли ты к его участи?

Сначала Катрина думала даже не отвечать на вопрос, настолько он показался ей дерзким, но, взглянув на Джаред, который с чистым сердцем ожидающе смотрел на неё, наемница решила, что он имеет право получить ответ.

– Если бы я не была уверена в том, что ты всегда честен со мной, то подумала бы, что тебя подослал отец, – сказала она.

– Я бы не позволил себе быть нечестным с тобой.

– Скажи мне, – начала Катрина, – ты когда-нибудь встречал такую женщину, что чувствовал: она другая, не такая, как все? Она не просто объект твоего интереса, она нечто большее?

На лице советника проступило смятение. Он замешкался с ответом, его глаза метнулись куда-то в сторону, затем он опустил взгляд вниз, словно Катрина спросила его о постыдном проступке, а потом Джаред утвердительно ответил.

– Да. Я встречал такую, Катрина.

– И жаждал ли ты, чтобы всё закончилось скорее? Разве желал вдруг беспечно расстаться с ней навсегда?

Джаред не сводил глаз с Катрины. Полных трепетного почтения.

– Нет, – серьезно отозвался он.

– Вот и я не желаю, чтобы всё закончилось так, как того хотел отец. Довольно говорить о Марке, вы все должны забыть о его существовании. Я не позволю причинить ему вред.

Дав ответ, Катрина нагнала остальных, а Джаред остановился. Озабоченный и мрачный, словно на похоронах. Он глядел ей вслед. Поражающая своей изящной красотой, она удалялась от него. Холодный металл блестел на томных изгибах её затянутого в черную кожу тела.

Зан, Виктор и Инга устроились на диване в темной дальней части балкона, откуда открывался неплохой обзор на танцпол и первый этаж. Стоявший поблизости диван заняли Катрина, Митра и Джаред. Остальные разместились в креслах за столиками.

Громыхла быстрая электронная музыка.

Мерцающие глаза лордиков жадно скользили по танцующей толпе. Это было не праздное любопытство. Нечто намного большее. Младшие дочери Виктора Анжелия и Селона изучали посетителей и обсуждали их с Фелицией. От их цепкого внимания не ускользало ничего. Взгляды, дыхание, движения, сердцебиение. Перед ними простирался пестрый букет человеческих чувств и эмоций, в котором лордоки читали, как в открытой книге.

– Посмотри на ту блондинку в клетчатом платье, – подавшись к Селоне, говорила Анжелия, – пришла сюда одна. Видишь, как смотрит на ребят вокруг? Уверена, её недавно бросил кавалер. Как её гложет печаль!

– И злость, – с мягкой улыбкой отозвалась Селона. – А девушке в голубом топе нравится юноша с крашеными волосами за стойкой бара. Они ещё не знакомы, и она думает, как обратить на себя его внимание.

– Смотри! Да в зале появился стоящий молодой человек! – воскликнула Фелиция, глядя на элегантного парня, пробирающегося в толпе к столику, за которым сидели его друзья. – Он уверен в себе, и не попусту. Что это блеснуло у него на руке? Запонка? Он начинает мне нравиться ещё больше. Обаятелен и не лишен чувства стиля.

Роберт подошел к перилам и облокотился на них руками.

– Позволь, дорогая, а не серебряная ли это запонка? – с усмешкой сказал он. – Ты уверена, что он тебе так уж нравится?

Роберт приходился кузеном дочерям Виктора. Франтоватый, энергичный он являл собой старомодный лоск XX столетия.

– Брось, Роберт, – капризно махнула рукой Селона. – У большинства из них на шеях висят кресты да серебряные кулоны, и почти всегда мы находим способ миновать подобные обстоятельства. Слабые, например, свои кресты сами снимают, стоит только их об этом попросить. А уж запонка не помешает никаким планам.

– К счастью, время крестов заканчивается. Обожаю этот век! – с упоением протянула Анжелия.

– Знаете, была у меня знакомая, похожая на ту конфетку в голубом... – начал свой очередной рассказ Роберт, усаживаясь в кресло и доставая сигарету из узорного портсигара.

Заиграла новая музыка. Инга пригласила Зана на танец, прошептав приглашение ему на ухо. Её сочно-рыжие волосы мягко легли на плечо лорда-маршала. Зан посмотрел на неё, она улыбнулась в ответ.

– Нет, – сказал Зан.

– Ну почему? Разве музыка не достаточно хороша? Не будешь же ты весь вечер обсуждать с моим отцом судей трибунала? Пойдем, – поманила Инга. – Я настаиваю.

Зан взял её за руку и подтащил к себе. Провел пальцами по её волосам, прошептал ей на ухо:

– Я не желаю искать причину, чтобы отказать тебе. Да и причины нет, я просто не хочу с тобой танцевать, дорогая.

В глазах Инги мелькнул укол разочарования, она покорно кивнула и опечаленная удалилась за дальний столик.

– Похоже, наш лорд-маршал вновь огорчил Ингу, – не то с сочувствием, не то с удовлетворением заметил Джаред. – Официантка! Вас Татьяна зовут? Подойдите, пожалуйста. Принесите ещё бокал такого же коктейля. Катрина, будешь что-нибудь заказывать? Нет? Тогда это все. Вы чудо, Татьяна.

Официантка улыбнулась, забрала на поднос опустошенный бокал и удалилась. Джаред похотливо проводил взглядом Татьяну.

– Митра, ты веришь в черную романтику? – спросил он.

Митра удивленно передернула бровями и усмехнулась:

– Тебя на лирику потянуло?

– Давай, отвечай. Мне правда интересно.

Она пожала плечами, и тяжелые пряди её короткого каре лениво качнулись.

– Я верю в многогранность любого опыта. Ты можешь переживать одно и то же по-разному. Когда что-либо наскучивает, просто добавляешь новых красок. Так же и с твоей романтикой.

Джаред, перед тем как задать Митре следующий вопрос, глянул на Катрину, слышит ли она его:

– А как думаешь, может ли чувство для одного быть теплым и нежным, в то время как для другого выражение этого чувства станет черным и отталкивающим?

– Конечно, – охотно согласилась Митра, – в этом и кроется вся печаль и многогранность чаяний сердца. Остальные чувства способны каждый раз по-новому окрашивать романтический интерес. Печаль, одиночество, страх перед чем-то фатальным, всё это в одно мгновение может стать почвой, из которой произрастет любовная привязанность. Во тьме искра либо гаснет, либо разгорается.

– Я согласна, – подтвердила Катрина.

– А я всё же сомневаюсь. Едва ли эта Татьяна, к примеру, смогла бы принять меня таким, какой я есть, по собственной воле. Есть много способов склонить человека к лояльности к самым диким по их представлениям вещам, но при этом теряется сам смысл. С куклами и марионетками скучно. А без этого люди пугливы и слишком поддаются собственной впечатлительности, – Джаред мельком взглянул на Катрину, заслушавшуюся переливами глу-

бокой опустошающей музыки, и сказал чуть громче. – Наш мир оказывается слишком холодным и мрачным для наших возлюбленных смертных. Слишком чуждым. Это тяжело как для первых, так и для вторых. И ни к чему хорошему не приводит.

Катрина, почувствовавшая скрытый намек в словах советника её отца, внимательно посмотрела в лицо Джареда, но тот улыбался двум подошедшим девушкам, и Катрина не стала уточнять, что именно своими многозначительными речами хотел сказать Джаред.

Фелиция и Вана, сестра Ханны, в качестве слушательниц присоединились к разговору Катрины, Джареда и Митры. Они сели по бокам их дивана. Джаред обнял сидевшую на мягком подлокотнике Фелицию за талию.

– А часто ли ты им открывался и всё рассказывал своим девицам? – спросила Фелиция.

– Каким там девицам, – вернула Митра.

– С учетом перечисленных причин, предпочитаю этого не делать вовсе, – улыбнулся Джаред. – Хотя так, хоть так, а этой их пресловутой любви не вкусить, стоя на распутье между нашими двумя мирами.

– Ну и к черту! – весело выкрикнула Митра, поднимая бокал.

Все они в ответ дружно рассмеялись. Все, кроме Катрины Вэллкат.

Вечер продолжался. Веймар-лейтенант стражей Элиен, советник Виктора Норберт, и его друг Стеллан, на коленях которого примостилась, Ханна, были поглощены созерцанием танца стриптизерш.

Виктор тем временем рассказывал об одном криминальном происшествии, случившемся пять лет назад в Мюнхенской опере.

– Так вот, представляешь, во время третьего акта произошло невероятное...

Но Зан его не слушал. Поначалу он с ненавистью рассматривал обращенных пустоголовых Ханну и Ванну. Виктор имел среди недостатков привычку привечать обращенных на долгие годы. Это извечно становилось причиной многих проблем, а нынешний Калининград и вовсе кишел обращенными. Лорд-маршал Вэллкат планировал предложить Виктору услуги своих стражей, чтобы провести чистку в городе в следующем году. Очищение городов от обращенных грязнокровных упырей было на руку лордокам, и практиковалось стражами на регулярной основе. По мнению Зана, Ханну и Ванну тоже пора было обратить в прах.

А потом он вдруг почувствовал, как в зал вошла *она*.

Среди множества бьющихся в темноте сердец это сердце понравилось Зану больше остальных. Редко встречалось нечто столь уникальное.

Он медленно повернул голову в сторону и пристально взглянул вниз, в зал. Молодая женщина была стройной, с волнующими изгибами сексуального тела. Короткое черное кружевное платье без бретелек облегло каждую деталь её фигуры. Руку украшал золотой браслет. Роскошные темные волосы воздушными пышными локонами спадали, разделенные на боковой пробор. Искусно подчеркнутое макияжем нежное породистое лицо с удлиненными глазами выдавало в ней азиатские корни. А чувственный аромат как нельзя лучше подходил к аромату её тела.

Она была прекрасна, как и её сердце. Она была подобна бессмертной.

Все тем же пристальным взглядом извечно желтых глаз Зан долго смотрел только на неё. Так долго и внимательно, что почувствовавшая этот опутывающий взгляд броская молодая женщина подняла глаза и посмотрела прямо на него. В лице Зана ничего не изменилось. Он смотрел на неё сверху, а она ощутила, словно пальцы невидимой руки коснулись её шеи и опустились ниже.

Какой-то, явно подвыпивший молодой человек, в танце нечаянно толкнул девушку, и она опомнилась от забытья.

Зан обвел зал глазами, ища то, что ему было нужно. Его взгляд коснулся ещё трех девушек в толпе танцующих. Оторвавшись от них, он жестом подозвал охранника VIP зоны.

Прервав рассказ, Виктор с недоумением посмотрел на своего друга. Охранник торопливо подошел к Зану. Лорд-маршал Вэллкат молча указал на четырех девушек в зале, среди которых была и особо отмеченная им.

Не взглянув на охранника, он повелел:

– Приведи.

Охранник кивнул, потом, помявшись, проговорил:

– Простите, господин, *вот эта девушка* замужем за очень богатым человеком.

По-прежнему не сводя глаз со своей избранницы, Зан ответил:

– Так даже интереснее.

Растеряно помешкав, охранник кивнул и ушел исполнять веленное.

– Очередного богатея хочешь оставить вдовцом, – заметил Виктор.

Посмотрев на Виктора ничего не выражающим взглядом, Зан не счел нужным отвечать.

Он был уверен, что охранник поторопится выполнить поручение. И действительно, охранник уже возвращался сквозь толпу танцующих, а за ним следовали выбранные Заном девушки.

Охранник впустил девушек в VIP-зону. Обрадованные столь приятной неожиданностью гости зашли свободно держась.

Та, что приглянулась Зану, медленно направилась к нему, давая возможность получше себя рассмотреть. Вторую за руку поймал Элиэн и увлек к себе. Ещё одна приняла приглашение Норберта, но, кажется, чувствовала себя немного неуютно. А четвертую – брюнетку с ровными волосами в сизом шелковом топе и такой же мини-юбке – жестом поманил Виктор.

Несомненно, появление девушек внесло некоторое оживление в спокойную обстановку, которая пока ещё царила среди лордов. Виктор предложил брюнетке в сизом шелке сесть рядом. Она послушалась и представилась. Её звали Ольга.

Молодая женщина с восточными чертами лица, понравившаяся Зану остановилась напротив него. Её томный взгляд выдавал её желания, но она держалась достойно, с чувством гордости.

– Итак... – бархатным голосом начала она и с ожиданием посмотрела на лорда-маршала Вэллката.

Подперев аристократическим жестом подбородок, Зан ещё раз неспешным взглядом осмотрел девушку снизу вверх.

– И я не ошибся, выбрав тебя, – медленно сказал Зан.

– И только-то? Я должна сказать, что польщена приглашением? – с нарочитой независимостью произнесли её пухлые коралловые губы.

– Оставим лишние церемонии, ты здесь не для этого, – сообщил лорд-маршал Вэллкат.

– Я здесь исключительно их-за любопытства, – очаровательно улыбнувшись, притворилась она.

– Лилия... – тихо произнес Зан, словно сокровенное заклинание, и это слово шепотом отдалось в её сознании. – Ты и впрямь достойна.

– Дстойна чего? – спросила она, почувствовав, как голова начинает идти кругом.

Ноги сделались ватными. Она присела на широкий подлокотник дивана рядом с Заном, чтобы не упасть.

– Своего имени. Оно красиво и изыскано.

Она долго молча смотрела на Зана.

– Откуда тебе известно мое имя? – спросила Лилия.

– Мне известно не только это, – вкрадчиво сказал Зан и накрыл ладонью руку девушки.

Он прошептал ей на ухо: – Ты знаешь, зачем ты здесь.

В её лице скользнула какая-то опасливость, и предположения, связанные с делами её мужа, но она быстро их отмела.

– Я тебе понравилась? – вопросительно посмотрела она на лорда-маршала, и их лица оказались совсем близко друг от друга.

– Я выбрал тебя.

– Но я не продаюсь, – мягко улыбнувшись, предупредила Лилия.

– Я не собираюсь тебя покупать. Составь мне компанию, и ты не пожалеешь.

Девушкам принесли коктейли. Лилия сказала, что любит другой напиток.

– Сегодня ты любишь этот, – сказал Зан, и Лилии ничего не оставалось, кроме как попробовать напиток. – Доверься мне.

Она отпила.

– Какой крепкий и странный. Что в него добавили?

– Капельку самой жизни.

– Я раньше не видела тебя здесь. Надолго приехал в этот город?

– Ты любопытна, – констатировал Зан. – Почему не носишь обручальное кольцо? След на пальце всё равно есть.

– Бывает, я не надеваю его, когда иду в клуб. Не знаю почему. Это что-то меняет?

Лорд-маршал Вэлкат удовлетворенно медленно покивал.

– Привносит особый азарт, – сказал он.

Заиграл медленный микс. Освещение стало густо-синим. Узоры света поплыли по стенам. Клуб прогрузился в завораживающие электронные волны транса, из которых постепенно проступала гулкая пульсация заглушенных ударных.

Зан провел рукой по плечу девушки, потом подтащил Лилию к себе. Она не была против, но её изумило, сколь холодная у Зана кожа.

Вампир осторожно повернул её голову в сторону подиума, где стриптизерша исполняла свой танец.

– Тебе нравится? – прошептал он, коснувшись губами уха Лилии.

– Я прихожу сюда не для того, чтобы смотреть на обнаженных девушек, а для того, чтобы расслабиться и отдохнуть, – ответила Лилия.

– Станцуй для меня, – дурманившим шепотом попросил Зан, и его губы скользнули по ароматной шее девушки.

Лилия настороженно посмотрела на Зана. Он поощрительно улыбнулся.

– Я хочу посмотреть, как ты двигаешься. Станцуй вместе с ней, – Зан перевел взгляд и указал глазами на брюнетку Ольгу.

Ольга и Виктор переглянулись.

– Идея занятная! Я не возражаю, – сказал Виктор.

Удивленная Ольга поднялась и отошла от дивана на пару шагов, плавно начиная при этом танцевать. Отпуская Лилию, Зан прижался губами к её уху и тихо, сладко произнес слова, встревожившие девушку:

– Танцуй так, будто это навеки последний танец.

В следующее мгновение Лилия увидела успокаивающую улыбку на белом лице Зана и позабыла обо всем.

Покачивая бедрами, она подошла к Ольге, и её движения мягко обратились в красивый медленный танец. Лилия закрыла глаза, целиком отдаваясь музыке. Девушки красиво смотрелись, в них было много разного и много подходящего друг другу, а их движения сексуально сочетались. Зан внимательно наблюдал за ними. Черные кружева и сизый шелк, соприкасающиеся в танце, то тонули в темноте, то вспыхивали на свету.

Девушкам определенно нравилась танцевать вместе.

Лилия почувствовала прикосновение. Невидимая рука легла ей на бедро. Она посмотрела на Зана. Тот наслаждался движениями её бедер. Потом он посмотрел ей в глаза. Дальше всё растворилось в музыке и мраке.

Лилия ощутила, как Зан, подошедший сзади, в танце заключил её в крепкие объятия. От его прикосновения по коже девушки пробежал холод, и Лилия вздрогнула. Движения этого таинственного и притягательного мужчины и Лилии переплелись в тандеме и повторяли друг друга. Жар её тела и холод его кожи объединились в забвение и страсть. Зан коснулся губами её щеки, потом шеи. Лилия утонула в захлестнувшем её чувстве и запрокинула голову. Она ощутила, как густые волосы Зана колкими касаниями ласкают её кожу, в то время, как сильные руки скользили по её платью.

Этот танец действительно был словно последним навеки.

Зан взял за руку Ольгу и немного выпустив, но не отпустив Лилию, увлек к себе, что не очень понравилось Виктору. Зан провел пальцами по ровным черным волосам Ольги и откинул их за плечо девушки. Его желтые глаза разгорелись сиянием. Он медленно облизал языком губу, глядя на покорную Ольгу. Брюнетка в сизом шелке подошла на шаг ближе к Зану, и тот склонил к ней голову. Его толстые клыки медленно прорвали бархатистую кожу девушки. С её губ сорвался вздох. Неожиданно, Зан рванул клыками её шею, лишь едва, и она почувствовала боль, которую ей захотелось почувствовать вновь. Словно угадав её мысли, он ещё зубами дернул девушку к себе. Её кровь струилась с каждым таким рывком всё сильнее, а удовольствие, которое испытывала при этом Ольга, было почти убийственным.

Зан раскрыл рот пошире, и кожа девушки соскочила с его клыков.

Окровавленными губами Зан поцеловал Лилию. Его поцелуй был властным, животным, исполненным лишь страстью. Больше не было нежности. Она умерла.

– Попробуй ее, – дьявольским голосом пророкотал Зан, указав глазами на Ольгу, которую по-прежнему не выпускал и держал за её шелковый топ.

Слепо повинаясь велению вампира, Лилия поняла, что хочет попробовать запретный вкус, ощутить кровь девушки, с которой танцевала для Зана. Она несмело прижалась губами к кровоточащей порванной ране на шее Ольги. Потом провела по ней языком и тоненькие паутинки кожи брюнетки потянулись за языком Лилии.

Зан осознал, как безудержно хочет впиться в Лилию, целиком завладеть ею. Всем её существом. Как хочет почувствовать в своем рту биение её сердца.

Он с силой сжал в объятиях Лилию и с яростным рыком вгрызся в её тонкую шею. Словно собирался перегрызть девушке горло. Доставить ей боль. Сильную боль. Чтобы она ощутила одно из редчайших и любимейших его блюд. Наслаждение и мучение, объединившиеся воедино.

На пол брызнула кровь. Ноги Лилии подкосились. Она оторвала губы от кровоточащей раны Ольги. Но она была жива.

Она чувствовала то, что чувствовал Зан – вампир овладевал её разумом. Он делал что-то неведомое с её душой. Рвал зубами всю её сущность в клочья, отравляя её сердце.

Лилия сморщила от боли брови. В ушах музыка слилась в единый гремящий шум. На неё навалился раздавливающий туман. Она перестала ощущать себя. Был лишь *Он*.

Таинственный похититель её жизни. Всё таяло. Всё умирало.

«Что же произошло! О Господи, что же произошло!» – пронеслось у неё в мыслях прежде, чем она отключилась.

Лилия сползла на пол. Ольга вяло опустилась на диван. Все смотрели только на Зана. Виктор с негодованием. Он не собирался пить Ольгу после Зана, но до того свои планы на эту сексуальную брюнетку у него имелись.

Все остальные глазели с интересом и одобрением. А взгляд Катрины был неоднозначным и выражал сразу несколько терзавших её чувств.

Официантки, стриптизерши и охранники не обратили на случившееся никакого внимания. Всё казалось им вполне обычным: молодой мужчина захотел потанцевать с двумя девушками, одна из них перебрала и сползла на пол.

Лилия не была мертва. Нет. Зан оставил в её венах достаточно жизни. Однако девушка продолжала терять кровь, а лорд-маршал Вэллкат, разумеется, не держал в планах обращать Лилию.

– Что это было, друг мой? – возмущенно спросил Виктор.

Зан опустил на него тяжелый взгляд.

– О чем ты? – прохрипел он.

– Черт подери, ты укусил Ольгу! Я сам её уже приметил!

Зан понятиливо покивал, потом медленно, картинно развел руки.

– Немного увлекся, – невинным голосом, оттого даже немного не своим, сказал Зан.

Он громко рассмеялся, покачиваясь под музыку, и закинул голову.

– Ох! Ты неисправим! Ты ведь многократно обещал, что подобного больше не повторится, – посетовал Виктор.

– Ах да! Прости! Такого больше не повторится, – продолжал глумиться Зан.

Затем он присел рядом с Лилией и поднял её на диван. Задумчиво рассмотрел её безвольное тело. Виктор же небрежно бросил Ольге, чтобы та нашла себе какое-нибудь другое место. Ему больше не казалась привлекательной девушка, которую пил другой.

– Уже пора влиться в толпу, – обронил Роберт, туша сигарету о пепельницу.

– Пойдешь танцевать? – осведомилась Митра.

– Конечно.

– И я пойду.

Они стали спускаться в зал.

За Робертом и Митрой потянулись и другие. Подобно яду, вампиры распространились по клубу, высматривая тех, кто будет подпитывать их силы своими.

Они осматривались по сторонам. Выбирали. Наблюдатели из ночи, изучающие живое.

Шум скрывал то, что должно было прозвучать, и подчеркивал то, что лучше бы оставалось незаметным. Разгоряченные тела соприкасались друг с другом в танце. Музыка пронизывала каждую клеточку. Ощущения смазывались. Это было идеальное место для торжества лордочков.

Катрина тоже спустилась в зал, но к досадному удивлению Джареда, танцевать не пошла. Наемница медленно двигалась одна вдоль зала, следя за подданными кланов со стороны. А взгляд её скорее обращался внутрь её самой. На сердце наемницы было беспокойно. Катрина не любила видеть отца таким. Да к тому же он задел её чувство справедливости.

Зан не находил себе покоя из-за того, что она оставила Марку Меерсону жизнь, но сам позволил себе оставить Лилию. И теперь Лилия знает тайну и будет ждать *его*.

Зверь алчущий понимал лишь себя. И мера суда его несправедлива.

Зан извечно лишал Катрину чего-то отнюдь не во имя необходимости, а лишь потому, что хотел проучить. За дерзость, за её робкую любовь к свободе, даже за её послушание. Хладнокровная жестокость отца по отношению к ней всегда преследовала Катрину.

Наемница легко раздвинула людей, стоявших на её пути. И таким же неспешным шагом направилась дальше. Она продолжала смотреть на фигуры в темных одеждах,двигающиеся в танце красивее и сексуальнее всех. Она видела, как смотрят на них окружающие. Лордочков нельзя не заметить. Каждая женщина в этом зале хотела танцевать с вампиром, и каждый мужчина – с вампиршей, сами не ведая, чего жаждут.

Катрина почувствовала себя подобной титану, держащему мироздание на себе: весь мир лордочков держался водружённый на её плечах. Ради их бессмысленного веселья, ради их бесцельного кровавого пира.

Зан Вэллкат создал из дочери отличную наемницу, воспитав в ней безразличие ко всему тому, чем прельщались люди, лордоки, и даже она сама. Но вопреки своей цели воспитал

он не только это. Всё, что он осуждал в Катрине, всё, что считал её слабостями и изъятиями, не могло не быть частью его творения.

Пока наемница двигалась по клубу, её провожали одурманенные мужские взгляды. Она остановилась у барной стойки.

В глубине толпы мерцала рыжина Ингиных волос. Старшая дочь Виктора соблазнительно вовлекала в танец молодых мужчин, сначала танцуя с одним, потом с другим, с третьим, забывая о них в самый интересный момент. Играя и срамливая их. Разгоряченные парни начинали выяснять отношения. Готовые перегрызть друг друга они не понимали, что коварная рыжеволосая чертовка этого и добивалась. Катрина улыбнулась, отметив, насколько всё-таки примитивные интересы у старшей дочери Виктора.

Инга с наслаждением наблюдала за ссорой четверых красавчиков, а потом удалилась с совсем другим смертным в коридор, ведущий к черному ходу. Как это было похоже на Ингу.

Светловолосый молодой человек лет двадцати пяти, сидящий поблизости за барной стойкой, только что заметил Катрину и засмотрелся на неё, позабыв о своей текиле. Катрина почувствовала его взгляд и повернулась. Этот был хорош собой и явно знал правила игры. Эдакий донжуан с искусно уложенными волосами, прекрасной кожей, знающий толк в женщинах и что им нужно. Наверное, он перебрал в уме уже с полдюжины фирменных вариантов, как бы завязать с ней разговор, и, впервые в жизни все показались ему нелепыми и неуместными. Он нервно постукивал пальцами по шоту.

– Знаешь ли ты, куда смотришь? – спросила Катрина, позволив желтому сиянию на мгновение сверкнуть в её глазах.

Ее голос прозвучал прямо у него в голове.

Тот смешался, не нашел, что ответить и отвернулся к стойке, гадая, показалось ему или нет.

Роберт тем временем танцевал с хорошенькой девушкой с длинными русыми волосами. Эти двое слились в медленном танце, и ритмично кружились в свете красных лазерных лучей. Они смотрелись красиво, и все вокруг поглядывали на них, тронутые видом этой романтической пары.

– Это что, на хрен, такое! – прорвался сквозь музыку злой голос возмущенного крепкого парня в клетчатых брюках. – Не успел с друзьями переговорить, как к моей девушке, какой-то выродок подкатил!

Девушка с длинными русыми волосами отстранилась от Роберта со смущенным видом и стала увещевать своего кавалера. Но не успела она договорить, как Роберт угрожающе сорвался с места в сторону её приятеля. Его прежде чрезвычайно интеллигентный вид неузнаваемо переменился. Лицо стало словно каменное, словно лицо горгульи, олицетворяющей гнев, ненависть и торжество смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.